

Алекс Хилл

ПОСЛЕ ТЕБЯ
ТОЛЬКО ПЕПЕЛ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х45

Иллюстрации на обложке
и во внутреннем оформлении — *Кира Мори*

Художественное оформление *Константина Гусарева*

Хилл, Алекс.
Х45 После тебя только пепел / Алекс Хилл. — Москва :
Эксмо, 2022. — 512 с.

ISBN 978-5-04-159996-6

Алена Миланович привыкла подчиняться чужой воле и терпеть издевательства.

Вся ее жизнь — сплошные страдания. На этот раз ее наказанием стал Волковский колледж — пристанище для беспризорников и малолетних преступников.

Сможет ли она ужиться на новом месте?

Помощь приходит неожиданно от того, кого боготворят студенты и кем восхищаются даже самые строгие преподаватели.

Но помощь ли это? Наставник суров, опасен, очарователен и непредсказуем. Его методы жестоки, маски разнообразны, игры безумны, а мотивы скрыты под мраком тайны.

Он пожар — в ее жизни. А после пожара... остается только пепел.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хилл А., 2022
© Оформление.

ISBN 978-5-04-159996-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Плейлист

NF — Paralyzed
Kaleo — Save Yourself
NF — Remember This
НЮ — Мало
Kaleo — Way Down We Go
Freya Ridings — Elephant
Noah Cyrus feat. Gallant — Mad at You
Ramil' — Сияй
Raining Jane — Love Is a Battlefield
НЮ — Белые ночи

Глава 1

POV: Алена

— Нет, я не могу, — отвечаю шепотом, крепко сжимая телефон и прикрывая ладонью рот в страхе, что взрослые могут услышать.

— Алена, ты — моя последняя надежда. Обещаю, ничего плохого не случится, — из динамика доносится капризный голос брата. — Просто принеси деньги, а отцу я сам все объясню. Если придется.

— Леша... — Мне не хватает цензурных слов, чтобы выразить все, что я о нем думаю. — Приезжай домой и бери все, что хочешь.

— Не вариант, меня крепко взяли за яйца. Алена, если не поможешь, то с завтрашнего дня меня начнут присылать домой по частям. Ты этого хочешь?

Нет. Конечно, нет. Я не желаю брату зла. Пусть близкими родственниками нас можно назвать с большой натяжкой, так было не всегда. Черт! То, что он мне предлагает сделать — почти самоубийство. Если дядя Слава или тетя Рита меня поймают... даже думать боюсь о том, что может произойти. Лето на исходе, осталось всего две недели до возвращения в колледж. Неужели Лешка не мог провести эти дни спокойно?

— Алена! — требовательно зовет брат. — Деньги лежат в гостиной за стеклянной вазой. Это отцовская

заначка на приبلуды для рыбалки, и он еще не скоро решит ее проверить. Тихонько возьми деньги и привези мне на заброшку, а через пару дней я все туда верну.

Смотрю в темноту комнаты, не решаясь согласиться. Почему я? Почему всегда я?!

— Слушай... — интонация брата меняется в один миг, ледяные мурашки пронзают кожу, — я ведь по-хорошему прошу, а могу и по-плохому.

Может. Не сомневаюсь. В этом доме все всё могут, но только не я.

— Хорошо, — произношу сквозь колючий ком, застрявший в горле.

— Супер! — радостно вскрикивает Леша. — И поторопись, а то... ну, мало ли.

Мое безмолвное смирение завершает разговор. Даю себе минуту, чтобы выдохнуть и собраться с силами, и поднимаюсь на ноги. Быстро собираю длинные волосы в хвост, натягиваю черную толстовку и прячу голову под капюшоном. Заброшка не самое приятное место в нашем городе. В основном там тусуют ребята из «Волков», а с ними лучше не связываться. Волковский колледж — местная социальная помойка, где учатся сироты и дети, от которых отказались родители, а еще «золотые детки», отправленные на перевоспитание. Одним словом, сборище бывших, будущих и настоящих преступников, на которых по какой-то причине не удалось завести уголовные дела и упрятать за решетку.

Встряхиваю головой, проясняя мысли. Сколько раз меня пугали, что переведут к «Волкам», — не счесть, а теперь я должна сама подставиться под удар, только потому что у братца напрочь отшибло мозги с этими дурацкими играми.

«Спасибо, Леша»...

Спускаюсь по лестнице, по памяти выбирая «тихие» ступеньки. Дядя не любит, если в доме шумно после десяти вечера. Он вообще много чего не любит, и я занимаю в этом списке почетное первое место. Свет уличного фонаря пробивается сквозь тонкую вуаль декоративных штор — вижу цель. На средней полке шкафа стоит хрустальная ваза, а за ней темный конверт. Хранить записку в таком месте — не лучшая идея, а мой дядя не настолько глуп. Вероятнее всего, это очередная издевательская проверка, и я бы сама никогда не взяла оттуда деньги, хоть не стану врать, желание было. Трудно назвать это место домом, а людей, что здесь живут, — семьей. Я мечтаю избавиться от них, но боюсь, что, если попытаюсь, все может стать еще хуже. Сердце замирает, когда рука медленно поднимается вверх, касаюсь кончиками пальцев плотного картона...

— Кто там? Леша, это ты? — звучит приглушенный голос тети Риты.

Я готова раствориться, упасть на пол и умереть прямо сейчас. Слух улавливает тихие шаги по деревянному полу второго этажа, и кровь холодеет от ужаса.

— Это я, — отвечаю, не двигаясь с места. — Спустилась попить воды.

Шаги прекращаются, но я все еще не могу вдохнуть.

— А что, в ванной наверху отключили воду? — недовольно бросает тетя.

— Не хотела там шуметь.

— Но ты и здесь умудрилась.

— Простите.

— Пей и возвращайся в комнату, — приказывает она, и через пару мгновений дверь в ее спальню мягко закрывается.

Резко втягиваю носом воздух, наполняя легкие. Чуть не попалась! Решаю больше не затягивать с делом и быстро вынимаю деньги из конверта. Прячу ровную стопку купюр в карман спортивных штанов, возвращаю конверт на место и на носочках крадусь к входной двери.

«Леша, Леша... И за что ты меня так ненавидишь?»

Ночной город очарователен в своем темном умиротворении, но чем ближе я к заброшке, тем меньше спокойствия остается в душе. Таксист косится на меня через зеркало заднего вида, презрительно цокая языком, а я старательно прячу лицо под капюшоном, глядя в окно. Мимо проносятся старые здания заброшенного промышленного комплекса: металлические склады, ангары и хозяйственные постройки из полуразвалившегося кирпича. Стены разрисованы граффити, кричащие надписи гласят, что их создатели плевать хотели на систему и правила. Ну еще бы...

Машина останавливается у ржавых сетчатых ворот. Освещения нет, вокруг непроглядная тьма, но даже через закрытые окна и двери автомобиля слышен гудящий шум музыки и развязные крики молодежи, говорящие о том, что это место отнюдь не пустует. Набираю номер Леша и прижимаю телефон к уху. Водитель нетерпеливо стучит пальцами по рулю, ведь в заказе указаны две точки, то есть поездка туда и обратно.

— Привезла? — отвечает на звонок брат.

— Да. Жду у ворот.

— В смысле? Заходи. Я под навесом с левой стороны.

— Я не собираюсь заходить. Забери деньги, и я поеду домой.

— Алена, блин, не беси меня! Сказал — зайди!

Его слова, точно удар ремнем по спине, обжигают и заставляют вспомнить, кто я такая.

— Давай быстрее! — рывкает Леша и кладет трубку.

— Можете подождать пять минут, пожалуйста? — обращаюсь я к водителю.

— Нет, — грубо отвечает мужчина.

— Я оплачу время ожидания.

— Все равно нет! Хочешь, чтобы твои дружки мне машину разбили? Знаю я ваших «Волков». Давай половину оплаты и вылезай.

И как после такого можно верить в удачу? Она ни разу не улыбалась мне за последние восемнадцать лет, а я даже не знаю, где так сильно успела облажаться, чтобы заслужить подобное. Может быть, в прошлой жизни?

Медленно ступаю по примятой траве, пытаюсь разглядеть дорогу. За спиной раздается рев мотора, звучащий для меня как хлопок крышки гроба. Мне не приходилось бывать здесь раньше, но об этом месте гуляет множество историй, ни одна из которых не закончилась хорошо. Замечаю слева тусклое свечение переносных ламп и на его фоне три темные фигуры. Улавливаю знакомые дерзкие нотки, принадлежащие голосу брата, и сворачиваю с тропинки, сжимая руки в кулаки, спрятанные в карманах толстовки.

— Ну наконец-то! — кричит Леша, шагая навстречу. — Ты на пешкарусе добиралась, что ли?

Брат подступает ближе, а вместе с ним и запах крепкого алкоголя, который с такой силой бьет в нос, что с трудом удается устоять на ногах. Непослушными пальцами достаю деньги и протягиваю Леше. Тени пляшут на его круглом лице, превращая довольную улыбку в зловещий оскал.

— Спасибо, сестренка. Выручила, — говорит он, бегло пересчитывая купюры.

Молча киваю и уже собираюсь уйти, но Леша ловит меня в полуобороте и обнимает за плечи, стискивая до боли кожу:

— Эй! Куда это ты собралась?

— Мне нельзя здесь находиться, — тихо отвечаю я, понимая, что его дружки внимательно нас слушают.

— Если со мной, то можно. Я ведь должен вывести сестренку в общество, а то сидишь дома, как затворница. Давай я тебя с пацанами познакомлю!

Пытаюсь аккуратно вывернуться из его объятий, но брат только усиливает хватку.

— Не надо... — прошу я.

— Хочешь обидеть моих друзей? — злобно говорит Леша, наклоняясь к моему уху.

— Нет.

— Вот и договорились.

Следующие несколько минут провожу в компании едкого сигаретного дыма, неприлично громкого смеха и оценивающих мутных взглядов Лешиних друзей, от глупых шуток которых меня уже начинает натурально мутить. На вид им, как и Леше, лет двенадцать, но вот по манере общения будто четырнадцать. Грубые словечки, рассказы о сомнительных достижениях, наплевательские отношения к моральным устоям.

— Сестренка у тебя ничего, Лех, только невеселая какая-то. Может, ей нужно выпить, чтобы расслабилась?

Парень, представленный мне как Бур, делает затяжной глоток из банки и протягивает ее мне, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Тебе повезло, Аленка, я не жадный, — говорит он, опуская взгляд на уровень моей груди.

— Нет. Спасибо, — отвечаю я, чувствуя, как дрожат онемевшие губы.

— Чего-чего? — переспрашивает Бур, поморщившись.

С вежливостью и приличиями эти парни точно не знакомы. Лучшая защита, в моем случае, — не привлекать лишнего внимания и делать, что говорят, пока не представится возможности сбежать. Беру в руки холодную жестянку и говорю немного громче:

— Спасибо. То, что нужно.

— Вот это я понимаю, — радостно произносит Леша, хлопая меня по спине. — Отрывайся, Ален. Разрешаю.

Выдавливаю слабую улыбку и делаю крошечный глоток кислого напитка, пересиливая желание тут же его выплюнуть и броситься на поиски зубной пасты. Возвращаю банку Буру под одобрительным взглядом Леша и тихо спрашиваю, пользуясь минутой его хорошего настроения:

— Я думала, тебе срочно нужно вернуть долг.

— Есть идея получше, — ухмыляется Леша, игриво дернув широкими светлыми бровями. — Не знал, что у бати припрятана такая хорошая сумма. Я смогу отыграть, мы даже в плюсе останемся. Тебе перепадет, если будешь хорошо себя вести.

До этого момента мне казалось, что хуже быть не может, но, похоже, ад только начинается. Неподдалеку звучит залиvistый женский хохот, и я машинально опускаю голову, чтобы остаться незамеченной. Леша и его друзья вмиг замолкают, напряжение сгущает прохладный ночной воздух, и перед моими глазами на темной примятой траве появляются женские белые кроссовки и три пары мужских.

— Гони бабки, малой, — произносит грубый голос, но по насмешливым искоркам в интонации можно догадаться, что парень больше забавляется, чем пытается напугать.

— Я хочу отыграться, — смело заявляет Леша.

Прибывшая компания взрывается смехом, они явно не воспринимают брата всерьез. *Боже, прошу, пусть Леша просто отдаст деньги, и мы уйдем. Пожалуйста! Если меня хоть кто-нибудь слышит там, наверху!*

— Мнац, я серьезно. Дай мне шанс, — настаивает Леша.

— Серьезно? — переспрашивает парень, названный Мнацем.

— Да. Сыграем еще один раз.

— Серьезность и ты — две несовместимые вещи, малой. Я что-то не понял, чего ты такой дерзкий стал?

Грудную клетку сдавливает животный страх. Смотрю в землю и чувствую, как чей-то прямой взгляд прожигает мне череп. Только не это, не надо. Меня здесь нет. Меня нет!

— А-а-а... — иронично тянет Мнац. — Ты привел группу поддержки? Перед девчонкой хочешь выпендриться? Тогда ты выбрал неудачного соперника.

— Я хочу сыграть еще раз! Сразу ва-банк! — распекаясь, рычит Леша.

— Не интересно. Я сегодня не настроен на игры, малой... хотя...

Сердце замирает, а интуиция машет красным флагом. Делаю крошечный шаг назад, прикидывая варианты для побега.

— Выкладывай условия, Мнац. Я согласен на все!

— Знаешь, что я не люблю больше всего? Дешевых понтов, малой, — стреляет высокомерием Мнац. — Но раз ты так просишь, то преподам тебе еще один урок. Фарт — штука непредсказуемая. Мы уже убедились, кто из нас любимчик удачи, но если ты хочешь отыграться, то пусть соревнуются наши девчонки. Это будет честно.

Делаю еще один шаг, отступая, но Леша хватается за руку.

— Идет! — выплевывает он, до хруста сжимая мои пальцы.

— Леша, — в панике шепчу я. — Нет, я не буду. Я...

— Заткнись! — перебивает он, поворачиваясь ко мне, и продолжает на порядок тише: — Ты сделаешь все, что я скажу, иначе отец сегодня же узнает, кто взял деньги из его закладки. Угадай, кому он поверит? Родному сыну или подкидышу, от которого одни проблемы?

На его лице маска из отвращения и безумного азарта, большие светло-карие глаза, так похожие на дядиных, не оставляют и шанса на сопротивление.

— Что-то не так? — саркастично интересуется Мнац.

— Все в порядке. Мы играем, — твердо заявляет Леша и утягивает меня за собой к двухэтажному зданию, в нижнем ряду окон которого виднеются тусклые проблески света.

Проходим через железную дверь в просторный зал, деревянные половицы, устеленные пыльными коврами, трещат под ногами. В помещении пахнет сыростью и сигаретным дымом, звучат десятки веселых голосов и музыкальные биты.

— Короче, слушай, я объясню правила. Ничего сложного... — говорит мне Леша, но я с трудом могу его расслышать из-за стука сердца, грохочущего в ушах.

— Не старайся, малой, покер — не женская игра. Зачем мучить девчонок? Я же не садист, — говорит Мнац, проходя мимо.

Леша ведет меня через кучки ребят и подталкивает к круглому столу, поверхность которого обтянута зеленой тканью. С опаской поднимаю голову: высокий темноволосый парень в темно-синем спортивном костюме галантно отодвигает стул для своей подруги. Его губы растянуты в легкой улыбке, движения спокойные и уверенные, словно он здесь хозяин, а остальные лишь заглянули в гости на часок. Получаю тычок в плечо от брата и занимаю место напротив русоволосой симпатичной девушки, изящно сложившей кисти рук поверх игрального стола. Мнац недовольно хмурит густые брови и смотрит на Лешу:

— Что-то ты не слишком ласков со своей подругой.

— Это моя сестра, — с колючим пренебрежением отвечает Леша.

— Не имеет значения, — холодно отсекает Мнац.

Он ненадолго ловит мой взгляд и медленно наклоняется к своей подруге, чтобы нежно поцеловать ее в щеку. Проводит ладонью по плечу, цепляет пальцами подбородок и оставляет поцелуй на ее пухлых губах. Девушка зачарованно всматривается в его ли-

цо, еще немного, и кажется, она замурчит. Поспешно опускаю голову, смутившись, и впиваюсь пальцами в дрожащие колени. Что я вообще здесь делаю?

— Если не в покер, то во что они будут играть? Не в дурака же, — натужно смеется Леша, плохо скрывая нервное напряжение.

— В двадцать одно, просто и понятно. Сестренка, ты правила знаешь? — небрежно обращается ко мне Мнац.

Качаю головой, мечтая, чтобы толстовка превратилась как минимум в скафандр. Не могу сказать, что ощущаю открытую угрозу от этого парня, но в нем есть что-то такое... от чего хочется бежать и не оглядываться.

— Не страшно, я объясню, — нарочито ласково говорит он. — Все карты в колоде имеют определенный номинал, каждая из вас получит по две карты в первой раздаче. Леша, найди таблицу в Гугле и положи на стол, — командует Мнац и снова возвращается к разъяснению правил, не сводя с меня глаз. — Ваша задача собрать двадцать одно или максимально близкое к нему количество очков. Если больше, это мгновенный проигрыш. Можно просить дополнительные карты до тех пор, пока не превысите лимит или сами не захотите остановиться. Когда оба игрока заканчивают сбор карт, они вскрываются, и определяется победитель. Ничего сложного, верно?

Мнац дружелюбно улыбается, и я едва заметно киваю, ощутив сковывающий спазм в мышцах шеи. Леша кладет передо мной телефон, и я внимательно смотрю на таблицу. Валет — два очка, дама — три, король — четыре, туз — одиннадцать, остальные столько же, сколько и написано на самой карте. Вроде бы и правда несложно, при других обстоятельствах это

могло быть даже весело, но давящие взгляды окружающих и гневное дыхание брата у виска не дают забыть, где я и с кем.

— Готовы? — с дразнящим азартом спрашивает Мнац, массируя шею своей девушки, будто собирается выпустить ее на ринг.

Она льнет к его груди и закидывает руку назад, проводя длинными острыми ногтями по торсу:

— Всегда готова. Ты же знаешь.

— Мешай карты, малой, а то еще скажешь, что я их подтасовал, — бросает Мнац, увлекаясь любовной игрой.

Верно, для них это всего лишь игра. Заброшка, партия, все вокруг! Они веселятся, только вот меня никто не спросил, хочу ли я в этом участвовать. Нужно было забить на все и остаться дома. Леша ударяет рукой о спинку моего стула, и я вздрагиваю, вжимая голову в плечи.

— Только попробуй проиграть, — рычит он мне в ухо.

Получаю первые две карты: четверка бубен и пятерка червей. Негусто. Итого — девять очков. Поднимаю голову, девушка передо мной довольно улыбается, опуская свою пару на стол рубашкой вверх, и смотрит мне в глаза, ударяя мощной волной уверенности.

— Еще, — тихо произношу я.

Леша снимает верхнюю карту с колоды и двигает ее по столу, удерживая указательным пальцем. Осторожно поднимаю ее, и... Туз пик! Сердце крутит тройное сальто, и я плотно смыкаю губы. Двадцать очков! Не может быть! Неужели мне сегодня повезет впервые в жизни? Это будет лучший подарок от судьбы, большего ничего и не надо. Мы с Лешей сможем спокойно вернуться домой, а потом я лягу спать и забуду

об этом вечере. И никогда... никогда больше не приду сюда, даже под страхом смерти!

— Пас, — мелодично произносит подруга Мнаца.

— Пас, — приглушенно повторяю я и замираю в ожидании триумфа.

— А мне нравится ваша игра, — смеется Мнац, не убирая рук с плеч моей соперницы. — Вскрывайтесь, девчонки!

В затылок нервно дышит Леша, переворачиваю карты и опускаю их на середину стола.

— Двадцать очков! Это круто! Очень! — Голос Мнаца не выдает ни разочарования, ни злости, и это вводит в замешательство.

Возможно, долг для него не имеет такого уж большого значения. Значит, все закончилось? С облегчением выдыхаю, Леша ободряюще сжимает мое плечо.

— Круто, но не так, как золотое очко, — довольно произносит соперница и накрывает три моих карты двумя красными тузами.

Жар ударяет по лицу, а после сменяется болезненным холодом. Пальцы брата вонзаются в кожу, и я с трудом сдерживаю писк. Неужели я... проиграла? Девушка поднимается со стула и тут же запрыгивает на руки к Мнацу, обхватив ногами его бедра. Победительница получает серию страстных и откровенных поцелуев, а я еще одну жесткую встряску от брата.

— Давай еще раз! — вопит Лешка. — Еще раз!

Мнац опускает свою девушку на пол и выходит вперед, угрожающе глядя на Лешу:

— Так, малой... Ты решил меня выбесить сегодня? Игра была ва-банк, все честно. Гони бабки и проваливай.

— Но это ведь она проиграла! Требуй с нее! А хочешь, ее и забирай!

Уменьшаюсь до размера пылинки, ощущая, как свет удачи гаснет для меня навсегда.

— Что ты несешь? — ядовито спрашивает Мнац.

— Ну а что? Я ведь тебя знаю, есть одна девчонка, а станет две. Она сделает все, что скажешь. Правда ведь? — Леша сжимает мою шею, силой заставляя кивнуть. — Ну как? Договорились?

Мнац наклоняется к лицу брата и высекает сквозь сжатые зубы:

— Ты че думаешь, мне тут девок не хватает?

— А теперь на одну больше, разве плохой исход?

В носу щиплет от слез, страх, точно злокачественная опухоль, поражает каждую клетку организма, лишая возможности пошевелить даже пальцем. Мнац переводит взгляд на меня, и его лицо приобретает холодную бледность. Голубые пронзительные глаза леденеют, темные густые волосы, кажется, покрываются тусклым налетом изморози. Такие парни по определению должны быть мерзавцами, природа создает их, чтобы разбивать сердца и творить страшные вещи. Если он сейчас согласится, то я могу попрощаться с последней надеждой на светлое будущее.

Первая слеза срывается с моих ресниц, взлетает кулак. Все происходит так стремительно, что я не сразу могу сориентироваться. Леша падает на пол, а Мнац набрасывается на него со звериной яростью, принимаясь наносить удар за ударом. Люди в помещении замолкают, беспомощно оглядываюсь по сторонам, но никто не собирается вмешиваться. Друзья Леши стоят у противоположной стены с банками в руках, на их лицах презрительные ухмылки. Хрипы и зву-

ки борьбы гремят в ушах, и я вскакиваю со стула, инстинктивно бросаюсь в потасовку:

— Нет! Пожалуйста, не надо! Остановись!

Падаю на колени рядом с братом, пытаюсь поймать смертоносные руки Мнаца, которые работают точно молоты. Капюшон слетает с головы, получаю пару касательных ударов по плечу, но продолжаю умолять:

— Прошу тебя! Не надо!

Мне удается обхватить правую руку слетевшего с катушек парня и крепко прижать ее к себе. С ужасом гляжу на Лешу: из его носа течет кровь, шея расслаблена, голова обессилено склонена вбок.

— Он дышит? — хрипло спрашиваю я.

— Твое счастье, если нет, — отрезает Мнац, вырывая руку.

В его словах столько яда, что я чувствую горечь во рту. Взгляд острый, каждая мышца на лице напряжена и искажена ненавистью.

— Он мой брат.

— Брат? — с отвращением хмыкает Мнац. — Он тебя чуть не продал только что, а ты бросилась его защищать?!

— Не имеет значения. — В моем голосе неожиданно рождается твердость, как яркая вспышка, которая мгновенно исчезает без следа.

Подбородок дрожит, зубы стучат. Мнац поворачивается и несколько секунд смотрит мне в глаза, словно размышляет о чем-то важном, а после, наконец, спрашивает:

— В больницу или домой?

— Что? — Я удивленно хлопаю мокрыми ресницами.

— Куда его везти? Лучше в больницу, кажется, я сломал ему нос.

Эта ночь наверняка станет самой страшной в моей жизни, потому что я прошла лишь половину ада, вторая ждет впереди. Не важно, куда мы поедem, родители Лешки все равно узнают, и я даже не представляю, что они сделают со мной после этого. Перевожу взгляд на Лешку, когда-то этот мальчик улыбался мне и таскал конфеты в комнату втайне от взрослых. Мы смеялись над его широкой щербинкой между двумя передними зубами и моей длинной шеей, сравнивали наш рост, мерялись силой бросков, кидая камни в реку. Лешка все кричал, что совсем скоро он станет высоким и сильным, но стал он только высоким. Вытираю слезы — сейчас не время. Не здесь. Не при них.

— В больницу, — отвечаю я.

Держу голову брата на коленях и молюсь, чтобы мы не причинили ему еще больше вреда, пока укладывали в машину. Мнац сидит за рулем, справа от него еще один крепкий парень, хранящий гробовое молчание. В тишине время тянется беспощадно долго, и только растущее на горизонте здание городской больницы позволит немного успокоиться. Парни доносят Лешу до крыльца приемного покоя и опускают на пыльную плитку. В растерянности развожу руками, не зная, что сказать. Поблагодарить или разругаться? Вроде бы помощь, а с другой стороны, именно из-за Мнаца мы здесь, ну и глупости Лешки тоже.

— Про нас ни слова, — приказывает Мнац, брезгливо вытирая руки о спортивные штаны. — Напали хулиганы. Ты их не знаешь и не запомнила.

Киваю, словно под гипнозом. Это даже не будет ложью, передо мной правда хулиганы, и я их не знаю. Вспоминаю, с чего все началось, и сажусь на корточки, чтобы вытащить из кармана брата деньги. Под-

нимаюсь и протягиваю пачку уже помятых купюр Мнацу.

— Оставь. Возможно, придется приплатить врачам, — отвечает он и бросает короткий уничижительный взгляд в сторону Леши. — Считай, долг он вернул, а ты...

Мнац замолкает и поворачивается ко мне спиной, так и не закончив фразу. Парни уходят быстро, будто их и не было вовсе. Остаюсь одна, ночной ветер бьет растрепанными волосами по лицу, и они прилипают к мокрым от слез щекам. Делаю глубокий вдох и захожу в здание больницы, чтобы привести помощь, прекрасно понимая, что мне уже точно никто не поможет.

— Это все ты! Ты, маленькая дрянь! — кричит дядя Слава, расхаживая передо мной в гостиной.

Его обвисшие морщинистые щеки, покрытые темной щетиной, трясутся от негодования, от топота грузных ног, кажется, дрожат даже стены. Тетя Рита обреченно вздыхает, сжимая в костлявых руках телефон в ожидании звонка от доктора. Нам не разрешили остаться в больнице. Отправили домой, заверив, что с Лешей все будет в порядке, и обещали позвонить, когда к нему можно будет приехать.

— Нужно было под замок тебя посадить! Ты как она! Точно! Одна угробила моего брата, а вторая решила угробить сына!

Никак не могу успокоиться, крупные капли стекают по подбородку и шее. Я даже не подозревала, что во мне столько воды.

— Я все объясню, — выдавливаю робко.

— Объяснишь? Что тут объяснять?! Что?! — надрывается дядя, кидая в меня деньгами, которые они забрали еще в больнице. — Что ты украла деньги

и хотела сбежать? Что Леша пытался остановить тебя, а твои дружки-отморозки его избили? Я не тупой, и так все знаю! Это была последняя капля, Алена... последняя...

— Нет! Все не так! — рыдаю я, подаваясь вперед, но грозный взгляд дяди заставляет замереть не месте.

— Замолчи! Никакого колледжа! Никаких карманных денег! Ты едешь к «Волкам», там тебе самое место. Может, они сделают из тебя человека, потому что я... я больше не могу это терпеть.

Чувствую, как кровь пузырится в венах, закипает и обжигает изнутри. Вскикиваю на ноги, вонзая ногти в ладони:

— Нет! Мне восемнадцать! Я могу...

— Ничего ты не можешь! — перебивает дядя. — Ничего! Поняла?! Ты будешь делать то, что я скажу! Я обещал воспитать тебя и воспитаю. Думаешь, раз ты девка, то все будут ползать перед тобой на коленях? Думаешь, поманила пальцем, и весь мир у твоих ног? Сейчас я покажу тебе... Рита! Где машинка для волос?!

— Что? — В панике оглядываюсь на тетю с призрачной надеждой, что в этот раз она проявит хоть каплю сочувствия.

— В ванной, — безучастно отмахивается тетя Рита, не отрываясь от телефона.

Дядя Слава пухлыми грубыми пальцами хватает меня за руку и тащит на второй этаж. Силы для борьбы заканчиваются на середине лестницы, уступая место опустошенному смирению. Громко хлопает дверь в ванную комнату, упираюсь коленями в холодную плитку и слышу ужасный рев машинки для стрижки.

— Я тебя перевоспитаю. Перевоспитаю, — приговаривает дядя, стягивая резинку с моих волос.

Глава 2

POV: Мнац

— Так и будешь молчать? — нарушает тишину Рома.

Переключаю скорость и сворачиваю на грунтовую дорогу, что ведет к задним воротам заброшки. Из-под колес вылетают камни, машину трясет, как и меня самого от злости.

— Мнац, ты чуть не прибил пацана!

«*Лучше бы прибил*», — звучит в мыслях яростное рычание.

— Крис там вообще на измене, — не останавливается Рома. — А остальные...

— Ты так кипишуешь, словно никто из них разборок не видел, — усмехаюсь я, выжимая тормоз. — С малым все будет нормально, я всего лишь сломал ему нос, а не шею. Если он не научится вести себя, как здоровый пацан, то его научит жизнь, и в больницу уже никто не отвезет.

— Мнац, я тебя столько лет знаю, и до сих пор не перестаю удивляться, какой же ты все-таки...

Поворачиваюсь к лучшему другу и с безумством распахиваю глаза шире. Он смеется, качая головой, и открывает дверь, так и не договорив.

Мы с Ромой ходили в один детский сад, делили игрушки и бросали друг в друга песком. Позже ста-

ли одноклассниками, впервые попробовали алкоголь в старом дедушкином гараже, смотрели фильмы про Бэтмена и тащились от Джокера. Мы выросли вместе, но это не значит, что он по-настоящему меня знает.

— Давай нажремся, что ли? — предлагаю я, ощутив острую потребность переключиться.

Рома пихает меня в плечо и выпрыгивает из машины:

— Идем, психованный.

Выбираюсь следом, захлопываю дверь и прячу связку ключей в карман. Содранные воспаленные костяшки на кулаках горят и пульсируют, ярость кипящей волной поднимается из груди к горлу.

— Ты кого психом назвал, а?! — с шуточным вызовом кричу я, оборачиваясь к другу. — Бессмертный?!

— Тебя! Кого же еще?! — смеется Рома, поднимая кулаки к лицу, и покачивается из стороны в сторону, копируя своего любимого Флойда Мейвезера¹.

Склоняю голову, прищуриваясь, и шагаю вперед:

— Зря мы от больницы так далеко отъехали.

Цепляемся с Ромой в дружеской схватке, пытаюсь повалить друг друга на землю. Больше смеемся, чем боремся, силы почти равны, но в какой-то момент Рома вдруг становится жутко серьезным.

— Что на тебя нашло, Мнац? Может быть, я чего-то не понимаю, но... повода ведь не было. Послал бы его, и все. Зачем морду бить-то из-за какой-то незнакомой цыпы?

¹ Фло́йд Ме́йвезер-младший — непобежденный американский боксер, выступавший в полусредней весовой категории (*Прим. автора*).

Отвожу взгляд, тяжело дыша. Меня не часто замечали в драках, я прекрасно умею решать вопросы и без кулаков, но иногда слов недостаточно. Только один человек видел меня в подобном состоянии, и он уже точно не сможет никому об этом рассказать. Малому еще повезло, что сестрица вступилась, вряд ли бы я остановился. Вспоминаю перепуганные глаза девчонки, эту уродскую смиренность и ужас на ее лице. Она ведь даже не пыталась возразить ему. И слова не сказала! Ее образ смешивается с другим, далеким и светлым. Желание выпить клокочет и вибрирует в венах. Нужно чем-то потушить это пламя.

— Хороший лидер иногда устраивает показательные казни, — говорю я. — «Волков» считают отмороженками, но это не отменяет того, что у нас должны быть принципы и хоть какие-то правила.

— Да? Тогда пойд и объясни это своим подданным, *король «Волков»*, — едко произносит Рома и отталкивает меня, ударив в грудь.

Он разворачивается и шагает к воротам. Тихо вздыхаю и двигаюсь следом, засовывая руки в карманы:

— Я думал, это твоя работа.

— Прикрывать твою задницу?

— Готовиться принять этот пост.

— Вы все-таки уезжаете? — спрашивает Рома, замедляя шаг.

— Да.

Он бросает на меня колючий взгляд и больше не произносит ни слова. Пересекаем поле по протоптанной тропинке, из здания впереди доносятся смех и звуки музыки, рассеивающиеся в летней прохладной ночи. Ну вот, а Рома говорил, что все на панике. Сейчас уже, наверное, никто и не помнит о том,

что случилось час назад. Заходим в старую постройку, взгляды присутствующих прилипают ко мне. А может, и помнят. Останавливаюсь и распрямляю плечи, обводя ребят взглядом. Приподнимаю уголки губ и громко произношу:

— Батя в здании, народ! Всем расслабиться, проблем нет!

Близкие пацаны салютуют мне жестяными банками и пластиковыми стаканами, остальные молча возвращаются к игре в карты или разговорам. Вряд ли кто-то из них переживал за здоровье малого, скорее из-за возможной стычки с полицией. Нас и так ненавидят, лишние проблемы ни к чему. И, пока я здесь, их точно не будет.

Ловкая теплая ладошка нежно опускается на мой живот, в плечо упирается мягкая грудь. Нос улавливает тонкий сладкий аромат, к которому я еще не привык, но уже запомнил. В этот раз Крис совсем другая, и дело не только в марке духов. Она меняется после каждого нашего расставания, словно примеряет новые образы и маски, и так даже интереснее. Я будто не возвращаюсь к бывшей, а нахожу новую.

— Поищу что-нибудь выпить, — говорит Рома, оставляя меня в плену Крис.

— Все хорошо? — спрашивает она, запрокидывая голову.

Поворачиваюсь и заглядываю в ее обеспокоенные зелено-карие глаза в обрамлении щедро накрашенных ресниц. Недавно подстриженная челка, разделенная прямым пробором, касается ее румяных щек.

— Теперь да, — отвечаю я и целую ее мягкие податливые губы.

Эта версия нежной и беспроблемной Крис нравится мне больше всех предыдущих. Возможно, мы даже

продержимся до конца нового учебного года, но это не точно.

— Ты всех напугал.

— Знаю, так было нужно, — произношу уверенно и вижу на ее лице безропотное понимание.

— Да, этот парень настоящий кретин. Предлагать тебе...

— Давай не будем об этом.

— Конечно, — улыбается она, сощурившись, и смотрит в сторону. — Идем, кажется, Рома отжал у кого-то бутылку виски.

— Поэтому мы с ним и дружим, — устало вздыхаю я.

Крис громко хохочет, словно услышала потрясающе веселую шутку. Может, я погорячился, сделав вывод об ее удачном апгрейде?

Даже лошадиная доза алкоголя и сумасшедший секс не спасают от бессонницы. Мысли не дают покоя, в голове кружит стая кричащих птиц, потерявших направление привычного маршрута. Четвертая сигарета совершенно пустая на вкус, но я поджигаю пятую, чтобы хоть чем-то себя занять. Шлепки босых ног, доносящиеся из прихожей, заставляют тяжело вздохнуть. Предвкушаю долгий и нудный разговор в стиле Крис первой версии, но она тихо входит в кухню и садится за стол, не зажигая свет.

— Не спится? — спрашивает она нежным шепотом.

— Ага, — отвечаю я, упираясь затылком в подголовник кресла.

— Хочешь, я поеду домой?

Ее примерность пропитана фальшью, и все же мне льстит то, как она старается. А еще мне нравится смо-

треть на красивую обнаженную девушку, гуляющую по квартире.

— Нет, — отвечаю я и тушу сигарету в потрескавшемся блюде, что стоит на краю стола. — Лучше иди сюда.

Крис медленно встает, позволяя рассмотреть каждый изгиб ее соблазнительного тела. Она обходит стол и забирается ко мне на колени. Провожу ладонями вниз по ее спине, Крис крепко обнимает меня в ответ и прижимается щекой к макушке. Ее тепло согревает, но этого все еще недостаточно. Спичка не может стать факелом. Пусть Крис ведет себя по-другому, она все та же, да и я не менялся. Сколько еще мы будем обманывать друг друга?

— Как она? — шепчет Крис, зарываясь пальцами в волосы на моем затылке, и массирует кожу, легонько царапая ее кончиками острых ногтей.

Сердце сжимается от болезненного напоминания, и я возвращаю Кристине эти ощущения, стискивая кожу на ее бедрах:

— Ничего нового.

— Дань...

— Не называй меня так, — резко обрываю я.

— Нас ведь никто не слышит.

— Я слышу, — мой голос тверд, мысли полны ожиданий.

Может быть, сейчас все изменится. Может быть, она поймет наконец, что к чему.

— Это твое имя! Почему я не могу?! — Крис повышает голос, но резко замолкает, теснее прижимаясь ко мне и глубоко вдыхая. — Извини, занесло.

Беззвучно усмехаюсь, опуская веки. Как я и думал, прогресса нет. Несколько минут в равнодушном без-

молвии утягивают в темную пустоту, но, к сожалению, Крис не может долго сохранять тишину.

— Что ты собираешься делать после колледжа? У нас ведь последний год.

— Не знаю. Еще не решил, — с легкостью лгу я.

— Понятно.

Стая птиц в голове замедляется, но только чтобы через секунду закружиться с новой силой. Последний год. Смогу ли я сделать еще хоть что-то? Пусть немного, но изменить этот гребаный мир. Получится ли вытащить еще одну заблудшую?

— Крис, иди ложись.

— Ладно. — Она оставляет поцелуй на моем виске, ласково прижимаясь губами к коже. — Я люблю тебя.

Ответа нет. Его никогда не было. Руки сами знают, что делать. Я изучил ее тело вдоль и поперек, каждую его часть. Без особых усилий завожу Крис, скользя пальцами между ее бедер и целуя нежную кожу на шее.

— Жду тебя в постели, — произносит она с придыханием и сползает с моих колен.

— Скоро приду.

Она уходит, изящно покачивая бедрами, словно ничего не произошло и не было сказано этих идиотских слов. Крис — мой самый первый и не совсем удачный эксперимент. Я думал, что смогу ей помочь, но допустил несколько непростительных ошибок. Именно поэтому она все еще рядом со мной. Все еще верит в то, что у нас может что-то получиться.

Достаю из пачки еще одну сигарету и запрокидываю голову, чиркая зажигалкой перед лицом. Дым наполняет легкие с первым вдохом и рассеивается

Алекс Хилл

в темной комнате после выдоха. Я должен закончить с ней до конца года, дать ей новый стимул и новый смысл, иначе я ничем не лучше, *чем он*.

POV: Алена

Обвожу взглядом небольшую комнату с грязно-бежевыми стенами. Слой пыли на подвесных полках толщиной с палец, за единственным окном виднеется темная ржавая решетка. Никаких занавесок и других элементов уюта, кроме леопардового пледа на одной из двух кроватей.

— Поверить не могу, что они отправили тебя туда, — слышу печальный голос Маши из телефонной трубки.

— Я и сама не верю.

— Так жаль, что ты не вернешься в этом году. Я привезла тебе новую одежду. Ну как новую... Лолка свои вещи разбирала и оставила кое-что для тебя. Думаешь, я смогу их тебе передать?

— Не знаю, Маш. Я уже ничего не знаю.

— Расскажи, что вообще случилось? Ты была недоступна последние две недели, я переживала.

Касаюсь рукой бритой макушки, и на глаза наворачиваются слезы. Эти две недели я просидела взаперти, размышляя о том, что меня ждет в Волковском колледже. Возвращение мобильного телефона обрадовало, но даже с ним вряд ли будет легче выжить в этой тюрьме.

— Родственнички решили, что мое место среди «Волков», — только и произношу я.

— Не понимаю, почему они тебя держат. Ты совершеннолетняя и...

— Маш, пожалуйста, не надо. Я мечтаю, чтобы они выгнали меня или отказались. Я... я просто...

— Прости, Ален. Не расстраивайся, ладно? Мне жаль, что так вышло, но подумаешь, «Волки»! Может быть, все не так плохо? Какая разница, где учиться? Вот получим дипломы и уедем с тобой куда-нибудь далеко, где твоя семейка уж точно нас не достанет.

Слова Маши немного успокаивают. Мысли о светлом будущем не позволяют надежде погаснуть, но здравый рассудок не желает молчать. Никто не знает, что будет через год, а тем более два. Мы не можем заглядывать так далеко.

— Здесь еще хуже, чем я себе представляла. На окнах решетки, все грязное и старое, — понижаю голос до шепота. — Я видела, как дядя разговаривал с комендантшей. Эта тетка похожа на ведьму.

— У нее бородавки на носу?

— Если бы...

Вдруг дверь распахивается, и в комнату врывается женщина средних лет. Подпрыгиваю на старом матрасе, едва не выронив телефон, и испуганно хлопаю ресницами. Неужели она меня слышала? Вдруг и правда ведьма?

— Миланович?! — грозно вскрикивает комендантша.

— Я перезвоню, — быстро говорю Маше и сбрасываю звонок. — Да, это я. Здравствуйте.

Женщина бросает на кровать стопку постельного белья, подушку и тонкий матрас и прищуривается, впиваясь в меня пытливым взглядом. Ее темная растрепанная коса свисает с одного плеча, а черный балахон в пол только добавляет ведьмовской безуминки. Не хватает лишь метлы и остроконечной шля-

пы. Что-то мне подсказывает, что с этим персонажем лучше не ссориться. Себе дороже.

— Спасибо, — скромно улыбаюсь я. — Меня зовут Алена, а вас?

— Агата Павловна, — настороженно отвечает она.

— Рада знакомству, Агата Павловна.

Женщина оторопело дергает головой, будто я щелкнула ее по лбу. Черты ее лица немного смягчаются, а в блеклых глазах проступает слабый отблеск жалости:

— И я тоже рада, Алена.

Агата Павловна еще несколько мгновений внимательно меня разглядывает, а после подходит к кровати и забирает матрас, больше похожий на тонкое покрывало, которому навскидку чуть меньше пятидесяти лет.

— Принесу тебе другой. И одеяло. Ночи здесь холодные.

Ее внезапная забота уже согревает, на душе становится чуточку спокойнее, но ненадолго. Агата Павловна вновь приобретает устрашающую серьезность и произносит:

— Будь осторожна, девочка. Не думаю, что ты вступишь в местный контингент. Тебе придется отраскать когти и клыки, но, если будешь нарушать правила общежития, я сама тебя покусаяю.

Не знаю, что сказать, поэтому молча киваю, будто все поняла. Агата Павловна едва заметно качает головой и покидает комнату, одарив меня на прощание косым сочувствующим взглядом.

Время близится к полудню, яркие солнечные лучи бьются в окно. Даже после влажной уборки комната не стала выглядеть лучше, но по крайней мере

дышитесь здесь теперь куда легче. Заканчиваю раскладывать вещи, заняв меньше половины шкафа и всего одну подвесную полку, чтобы не стеснять соседку. Из коридора доносятся женские крики, и я замираю на месте, внимательно прислушиваясь.

— Да все я помню, Павловна, не нуди! Ты же меня знаешь!

Голос Агаты Павловны не такой звонкий, чтобы разобрать слова, но недовольство чувствуется в одной лишь интонации.

— Ничего я ей не сделаю! Буду самой приличной, не переживай! Да бросила я! Бросила!

Дверь за спиной открывается, и я напрягаюсь всем телом, готовясь к худшему. Мысленно уговариваю себя быть вежливой и не зажиматься, кто бы ни стоял сейчас рядом. Мне не нужны проблемы.

— Офигеть! — восторженно вскрикивает незнакомка. — Вот это улет, крошка! Прическа — огнище!

Если принять это за комплимент, то начало не такое уж и плохое. Медленно оборачиваюсь, натягивая на лицо приветливую улыбку. Невысокая девушка с маленьким приплюснутым носом беззастенчиво тарачится на меня, толкая ногой дверь. Ее виски выбриты и окрашены в белый, вверх торчат оранжево-красные пряди. Вот у кого не волосы, а настоящий огонь. Ничего себе! Да и от ее наряда может загореться все вокруг: красное боди, черные широкие штаны на резинке, спущенной ниже набедренных косточек.

— Привет, — произношу я, по привычке заводя руки за спину, и сцепляю пальцы в замок.

— Привет-привет, соседка, — отвечает она, швыряя дорожную сумку на кровать поверх леопардового пледа. — Я Зоя, но для своих просто Зю.

— Алена, — киваю я. — Приятно...

Зоя бесцеремонно подлетает ко мне, хватая за голову, заставляя наклониться, и рассматривает то, что осталось от моих волос:

— Да уж, издалека выглядело лучше. Я бы отрубила руки твоему парикмахеру и скормила их воронам. Ну ничего, не бойсь. Подровняем, высветлим, будет еще круче. Черепушка у тебя ровная. В детстве не роняли — повезло.

Ее напор дезориентирует, но Зою, похоже, ничего не смущает. Она широко улыбается, сжимая мое лицо в ладонях, и смотрит в глаза. С трудом сглатываю слюну, скопившуюся во рту, и жду, когда она налюбуется.

— Ну чего трясешься, крошка? Страшно?

— Нет, — тихо отвечаю я.

— Не ссы, я сытая. Не сожру, — весело подмигивает она и отходит к своей кровати.

Зоя поворачивается ко мне спиной, раскрывает сумку и принимается вытаскивать одежду и кучу укладочных средств для волос в баллончиках и баночках. Прижимаю вспотевшую ладонь к напряженному животу и тихонько выдыхаю. Кажется, пронесло. Сажусь на свою кровать, поджимая ноги, и молча наблюдаю за соседкой. Зоя не отличается особой аккуратностью и за пять минут распахивает все свои вещи по полкам и ящикам, а после открывает окно и достает серую палочку, которую тут же подносит к губам. После затяжного вдоха Зоя выдыхает белый дым, по запаху напоминающий сухую смесь летних ягод, и поворачивается ко мне, протягивая электронную сигарету:

— Никотин есть, вони нет. Будешь?

— Нет. Здесь же нельзя курить.

— Если никто не узнает, то можно, — пожимает Зоя плечами и заваливается на кровать. — Я так удивилась, когда Павловна сказала о соседке. Думала, жить мне одной до самого выпуска. Здесь нечасто, но бывает одиноко. Хочется с кем-то поболтать в ночи или одолжить пару шмоток, понимаешь?

Понимаю ли я, что такое одиночество? Дайте подумать... Я потеряла обоих родителей в восемь лет и с того времени живу с родственниками, которые меня на дух не переносят. Я не сижу за общим столом во время еды, почти не хожу на прогулки или любые другие веселые мероприятия. Только в прошлом году я узнала, что такое настоящая дружба, когда поступила в колледж, но в момент лишилась и этого. Наверное, да. Я достаточно хорошо понимаю, что такое одиночество.

— Много у тебя уже было соседок? — интересуюсь я, чтобы поддержать разговор и прощупать Зою, как человека. Мне ведь нужно понимать, с кем я буду спать в одной комнате. Вдруг придется делать это с открытыми глазами.

— М-м-м... — задумчиво тянет Зоя. — Четыре вроде. Может, пять.

— И что с ними случилось?

Зоя недобро усмехается, и я уже сомневаюсь, что хочу знать ответ. Она вытягивает руку и указывает пальцем в левый угол комнаты:

— Видишь дырку на шкафу?

Перевожу взгляд в сторону, в горле становится сухо: внушительная растрескавшаяся вмятина на деревянной дверце зияет прямо на уровне человеческого роста. Отпечаток головы? Надеюсь, Зоя никого тут не убила. Поговаривают, что у «Волков» это не редкость.

— Да шучу я, крошка! — звонко смеется Зоя. — Это было здесь еще до меня. Я все время жила со старшесницами. Они выпустились, вот и все.

Хочется в это верить.

— А на каком курсе ты? — задаю я следующий вопрос.

— Последний. Даже жаль.

— Почему?

— Это мой дом. Единственный, который есть, — произносит Зоя с осязательным теплом, уставившись в потолок.

— За что ты здесь?

Соседка заливается еще более громким смехом и поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня. Не знала, что я такая смешная.

— Ты так спросила, словно в тюрьму попала.

Искося гляжу на решетку за окном и отвечаю:

— А разве нет?

Зоя резко подпрыгивает и опускает ноги на пол, наклоняется вперед и упирается локтями в колени. Ее поза выглядит устрашающе, как и пронзительный взгляд круглых темных глаз. Теперь ей уже не до смеха, а мне тем более.

— Слушай, Аленка... расслабь булки, о'кей? Не знаю, чего ты такая дерганая, но добрая половина того, что говорят о нашем колледже, — полная чушь, понятно?

Как тут не согласиться? Коротко киваю, а она продолжает:

— Никто здесь студентов палками не бьет, не режет, мы не занимаемся жертвоприношениями и не едим сердца и другие органы неудобных. Все это придумали дебилы, которые считают себя лучше нас. Здесь обычная бюджетная шарага, и учатся в ней ре-

бятя, которым просто повезло в жизни чуть меньше, чем остальным. И если ты сама здесь, то должна понимать, что это значит. Среди нас, конечно, есть особые экземпляры, я укажу тебе на них пальцем, чтобы держалась подальше, а в остальном... — Зоя презрительно хмыкает и качает головой. — Перестань избражать бедную овечку, случайно попавшую в стаю волков, и все будет норм. Контакт есть?

Ее речь производит впечатление. Немного жестковато, но очень доходчиво.

— И да... — говорит Зоя, скривив губы, — у каждого из нас за плечами своя говняная история. Кто-то говорит об этом, кто-то нет. Вот тебе первое правило, крошка, — никогда сама не начинай этот разговор и ничего не расспрашивай, можешь получить по лицу за слишком длинный нос.

Совет ценный, нужно запомнить.

— Ясно, — отвечаю я серьезно.

Зоя выходит из образа волчицы, снижая уровень эмоционального давления, и делает пару затяжек, глядя на меня сквозь дым.

— А ты типа прилежная умница, да? Теперь мне и самой интересно, че тебя сюда запихнули, но правила одинаковы для всех. Захочешь, сама расскажешь.

— Может быть, в другой раз.

— Забились, — подмигивает Зоя. — Так, а теперь нужно что-то сделать с твоей головой. Я не могу на это смотреть.

Делаю глубокий вдох и решительно поднимаю подбородок. Основной принцип выживания в новой среде — не хочешь проблем, не выделяйся. В случае с «Волками», чем вызывающе я буду выглядеть, тем меньше внимания буду привлекать.

— Делай что хочешь. Все что угодно будет лучше, чем это, — указываю пальцем на свою макушку.

Глаза Зои загораются воодушевлением, и она задорно отвечает:

— Ты не пожалеешь, крошка. Я лучшая в этом деле.

Пару часов спустя удивленно смотрю на свое отражение в зеркале и с трудом сдерживаю слезы, которые вызваны уже не отвращением к себе, а совсем наоборот. Пепельный блонд с фиолетовым отливом, который, по словам моего мастера, должен смыться через несколько дней, выглядит просто волшебно. В восхищении открываю рот, не в силах подобрать слов. Не знаю, кто это, но точно не я.

— Можем еще пару цветных полосочек за ушами добавить, — предлагает Зоя.

— Нет! Все и так идеально, — поворачиваюсь к ней и с трудом сдерживаю порыв, чтобы не наброситься с объятиями. — Спасибо! Это... это...

— Не за что, — довольно улыбается Зоя. — Можешь обращаться, когда захочешь, мы же подруги.

При других обстоятельствах я бы не восприняла эти слова всерьез. Какие еще подруги? Мы знакомы несколько часов, но сейчас я действительно рада это слышать. Завести друга в первый же день — отличный результат.

— Конечно! Знаешь, Зю, я так переживала, что меня здесь не примут, но ты... ты очень классная! До сих пор не могу поверить, что мне так повезло с...

Грохот музыки из соседней комнаты обрывает меня на полуслове. Певец истошно завывает, а Зоя изображает кота, наевшегося шерсти: открывает рот

и высовывает язык, в центре которого блестит серебряная сережка.

— Приехала моя головная боль, — недовольно рычит Зоя. — Марина, а ну выруби эту дрянь, пока я не разбила колонку о твою тупую башку! Ты меня слышишь?! Вот же стерва!

Крики не действуют, музыка становится только громче.

— Ну все... — Зоя злобно раздувает ноздри и вылетает из комнаты.

Через несколько секунд певец замолкает, и вместо него высокие ноты тянут два женских разъяренных голоса. Угрозы сыплются одна за другой, и с каждым разом все изощренней и изощренней. Глухой стук! Громкий вскрик! И вот на пороге снова появляется моя соседка, сжимающая клок светлых волос в кулаке. Она брезгливо морщится и выбрасывает его в окно, а потом оборачивается ко мне:

— Что ты там говорила?

Думаю, мне следует запомнить еще одно правило — не злить Зою и не включать громко музыку.

— Что очень рада нашему знакомству, — отвечаю я тонким голосом.

— И я тоже, крошка, — весело подмигивает мне Зоя. — Та-а-ак, с прической мы разобрались, пора определиться и с нарядами. У нас в запасе всего полчаса.

Она ныряет в шкаф, держа в зубах электронную сигарету, а я делаю несколько шагов назад.

— С какими нарядами? — удивленно спрашиваю я.

— Сегодня традиционный тусняк перед началом года. Это отличная возможность всем тебя представить, а заодно и повеселиться.

Алекс Хилл

— А мне обязательно идти?

Зоя оборачивается, ее лицо окружает белый дым, а в темных глазах мерцает недовольство. Черт возьми, она меня реально пугает!

— Какие-то проблемы?

— Нет, — мотаю головой. — Никаких.

Глава 3

POV: Алена

Сборы проходят под веселый и немного грубый щебет Зои. Надеваю свои единственные приличные джинсы, которые Лола подарила мне в конце весны, и простую зеленую водолазку с длинными рукавами, потому что от вечернего ветра из открытого окна уже веет холодом. Это осень тянет руку для дружеского приветствия. Зоя же оказывается горячей девушкой, как внутри, так и снаружи: натягивает черные штаны, рваные на бедрах и коленях, и короткий белый топ, дополняя образ огромной тонкой ветровкой с неоновозелеными вставками. Она критическим взглядом осматривает меня перед выходом, и я морально готовлюсь к борьбе. За помощь с волосами я благодарна, но одеваться, как Зоя, точно не стану. Ей этот смелый стиль очень идет, а вот я буду выглядеть как жалкая пародия на Леди Гага. Проходит секунда, и, на удивление, Зоя задает простой короткий вопрос:

- Готова?
- Ага.
- Тогда идем.
- Ты так и не сказала, куда нам идти.

Зоя закатывает глаза, толкая дверь, и выходит в коридор:

- Вот ты зануда. Не любишь сюрпризы?

Если ее сюрприз — заброска, то мне нужно будет очень быстро придумать, как слиться с этого веселья до того, как мы туда доберемся.

— Предпочитаю быть подготовленной, — уклончиво отвечаю я.

— Точно зануда, — хмыкает Зоя. — Да не ссы, тут недалеко. На территории есть здание, раньше это был концертный зал или что-то типа того, но сама понимаешь... где мы, а где дебилные концерты? Года три назад его переоборудовали в клуб, чтобы студенты не сбегали по ночам.

— У вас есть свой клуб? — не могу сдержать удивления.

— Да! — с гордостью произносит Зоя и легонько толкает меня локтем в бок. — Не такой уж и стремный колледж, а? Моя бывшая соседка часто говорила, что администрация готова на все, чтобы держать нас в узде, и для этого им приходится идти на уступки. А еще она утверждала, что нас всех сюда запихали и держат вместе в надежде на то, что мы перебьем друг друга. Что-то вроде самоочистки мироздания.

— Звучит как-то не очень...

— Знаю, но жестких конфликтов уже давно не было. Спасибо Мнацу. Не знаю, как ему удастся, но он держит контроль и над нами, и над преподами. Его все слушают, и все довольны. Мы практически одна большая дружная семья.

Услышав знакомое имя, сбиваюсь с шага, но быстро беру себя в руки. Значит, он точно отсюда. Эта информация отправляет мою и без того слабую решительность в нокаут. Не хотелось бы снова столкнуться с этим психом. Зоя продолжает рассказывать о колледже, пока мы шагаем по внутренней территории мимо учебных корпусов, но я теряю нить разговора,

как только неподалеку разносятся чужие голоса. Опускаю голову и обхватываю себя руками. Страх выбирается из уголков души, а бессилие шепчет: «И почему я должна проходить через это? Почему я здесь?» Зоя приветствует мимо проходящую компанию, перебрасываясь с ребятами парой фраз, и, когда они отходят достаточно далеко, обращается ко мне:

— Там что-то интересное?

— Где?

— Внизу. У тебя под ногами.

— Э-э-э... — растерянно тяну я.

— Вот именно! Слушай меня внимательно, принцесса, — Зоя говорит жестко, в ее голосе клокочут негодующие нотки. — Здесь тебе не Диснейленд, ясно? Я пыталась быть с тобой максимально мягкой и как-то подбодрить, потому что не слепая и вижу, что ты в шоке от происходящего, но, похоже, до тебя по-другому не дойдет. Все, что я говорила, правда. Бояться нечего, но народ здесь в самом деле специфический. Мы привыкли брать от жизни все и бороться за каждый кусок. Если будешь вести себя, как забитая мышь, тебя просто сожрут. Ты в стае волков, Алена, и мы не трогаем только своих. Так что подбери сопли и подними голову. Ты уже одна из нас. Не дай им в этом усомниться, и вот тогда все будет хорошо. Усекла?

— А у меня есть выбор? — спрашиваю я обреченно.

— Конечно, есть, но второй вариант тебе не понравится.

Делаю глубокий вдох, распрямляя плечи и поднимая голову.

— Вот так уже лучше. Не мнись, не отводи глаза, ну и... держись ко мне поближе. Черт! Подослала соседку! Я что, похожа на фею крестную?! Библи-

ди-боббиди-фак! — Зоя взмахивает средним пальцем, словно это и есть ее волшебная палочка.

С губ срывается короткий смешок. Кто бы мог подумать, что Зоя любит старые диснеевские мультики? Возможно, в ней куда больше от обычной девочки, чем от волчицы, но окружение творит с нами ужасные вещи. Ты либо с ним, либо против него.

— Заклинание помогло, — произношу я с толикой уверенности и веселья. — Спасибо.

— Да на здоровье! Идем уже скорей, у меня в горле пересохло. Как же трудно быть волшебницей.

Волковский клуб очень даже напоминает настоящий, только в миниатюре: приглушенный свет, россыпь ярких цветных точек на потолке, танцпол в центре, подобие бара в дальнем закутке, а вдоль стен расставлены старые диваны и кресла. Я уже была в одном ночном заведении, Машка как-то раз вытащила, но моего терпения хватило ровно на час. Слишком шумно, темно и непонятно. Интересно, сколько я выдержу сегодня?

В целом обстановка очень похожа на ту, что я видела на заброшке, разве что в карты никто не играет. Молодежь отдыхает: танцует, болтает, смеется. Гремит музыка, звучат развязные голоса. Перебарываю желание спрятаться, усилием воли держа голову прямо и шагаю рядом с Зоей, которая направляется к компании девчонок, стоящих у края танцевальной площадки.

Очень стараюсь делать то, что было наказано, — не отвожу взгляд и веду себя спокойно, словно все происходящее для меня в порядке вещей. Мой новый образ неплохо вписывается в окружающий антураж, все девушки здесь яркие, их наряды, прически и ма-

кияж поражают. Может, стоит поблагодарить дядю, что подстриг меня перед отправкой сюда? Если я пришла бы с русой косой, то еще не известно, как бы меня приняли.

Знакомство с подругами Зои выходит немного агрессивным, каждая из девушек показывает клыки, но я прохожу проверку с достоинством, уже наученная опытом. Девчонки расслабляются, не увидев во мне угрозы, и через пару минут волчье рычание сменяется обычным девчачьим трепом: свежие сплетни, парни, новый учебный год. То же самое, что было бы и в моем колледже, правда, от местного жаргона у меня иногда подергивается глаз.

— А вы в курсе, что у нас снова есть королева? — говорит Ксюша, качая головой в бит.

— Да ты гонишь! Новая? Кто? — пораженно спрашивает Анжела.

— Новая? Как же... — презрительно хмыкает Зоя.

Девчонки устремляют взгляды в одну сторону, и я поддаюсь влиянию большинства. На диване, стоящем поверх невысокого подиума, который, по всей видимости, раньше был частью сцены, вижу тех, кого мечтала больше никогда не встречать. Мнац и его девушка в самом центре внимания. Она сидит у него на коленях, будто восторженная девочка, впервые увидевшая Деда Мороза, и безудержно смеется. Ее короткие шорты выставляют напоказ стройные ноги, длинные волосы распущены и рассыпаны по плечам, укутанным в легкую лавандовую толстовку. Ровно такая, как я помню: кокетливая, веселая и уверенная в себе, а вот Мнац кажется чуточку другим. Расслабленным и безучастным, будто он вообще не знает проблем и из-за этого скучает. Будто не он две недели назад чуть не убил моего брата. Его но-

ги широко расставлены, носки белых кроссовок смотрят в стороны. Черные спортивные штаны и широкая футболка с глубоким воротом больше похожи на одежду для сна, а темные волосы небрежно всклокочены. Одна его рука лежит на обнаженном бедре королевы, вторая — подпирает висок, облокотившись на спинку дивана.

При виде их во мне просыпается злость, приправленная ненавистью, что клокочет в груди яростными ударами сердца. Если бы Мнац тогда не побил Лешу... если бы он сдержался, а не пытался выставить себя всемогущим вожаком стаи, то, возможно, меня бы здесь не было. Он ведь мог просто отказаться, и тогда Леша остался бы всего лишь должником, а не получил сломанный нос, сотрясение и месяц реабилитации. Сжимаю руки в кулаки, в носу щиплет. Теряю эмоциональное равновесие, но недовольный голос Зои быстро прибывает меня к полу:

— И что он в ней нашел?

— Может, у нее между ног рай? — бросает предположение Анжела.

— Или между губ, — дополняет Ксюша, дернув угольно-черными бровями.

— Да будь она хоть магистром горлового! — ядовито бросает Зоя и отворачивается.

— А вообще, я согласна, это странно, — кивает Анжела. — Мнац после Крис все время с новыми девками гоняет, ей самой потом не противно к нему возвращаться?

— Что тут странного? Таким добром грех не делиться. — Ксюша облизывает губы и стреляет голодным взглядом в Мнаца и компанию. — Ты видела его бывших? Все как заново родились. Они о нем, конечно, не говорят и вообще ничего не рассказывают. Да-

же не знаю, что он с ними делает и как стирает память, но все, как одна, меняются только в лучшую сторону.

— Ага, — смеется Анжела. — Он им мозги высасывает и новые вставляет. Что за бред, Ксюх?

— Ничего не бред! Все может быть! Ты видела Настюху в этом году? Нет? А я с ней в коридоре столкнулась. Едва узнала!

— А Лизку ты видела? — продолжает спорить Анжела. — Вот и я нет. А уже больше года прошло.

— Не думаю, что это как-то связано с Мнацем, — встревает в разговор Зоя. — Она, наверное, просто переехала.

С трудом понимаю, о чем речь, но все-таки можно сделать выводы. Точнее, всего один. От Мнаца стоит держаться как можно дальше. Буду надеяться, что он меня не узнает и не вспомнит. Короли ведь не запоминают мусор под ногами. Бросаю на него косой взгляд и тут же жалею об этом, потому что... он смотрит точно на меня. Какого черта?!

Переглядки с королем длятся не больше нескольких секунд, ладони потеют, а паника стремительно охватывает мысли. Что, если он меня все-таки узнает? Что, если захочет поговорить и все это увидят? В голове воеет сирена, мерцающие в клубе огни вдруг кажутся только красными.

— Здесь есть туалет? — спрашиваю у Зои, надеясь на отрицательный ответ, потому что тогда я без проблем и споров смогу вернуться в общежитие.

— Конечно, — отвечает она и указывает в противоположный угол зала. — На двери нарисована дыня.

В непонимании хмурю брови, а девчонки заливаются веселым смехом.

— Иди, не бойся, — подбадривает Зоя. — Только картинку не перепутай и дверь хорошо запири.

Скованно киваю и быстрым шагом пересекаю танцпол, желая как можно скорее оказаться в безопасном одиночестве. Может, мне показалось? Может, он всего лишь смотрел в нашу сторону, а не конкретно на меня? В узком коридоре горит синий свет, справа дверь, а на ней яркое изображение в стиле уличных художников. Баклажан? Ну и юмор у этих ребят. Рассматриваю дверь по центру, еще одна картинка — дыня нанизана на баклажан. Очень доходчиво. А чего я ожидала от этого сумасшедшего места? Свободолюбивые психи без тормозов!

Залетаю в левую дверь и с усердием защелкиваю замок, а после пару раз проверяю, достаточно ли хорошо заперлась. Включаю воду в кране, а сама пытаюсь придумать, что делать дальше. Как себя вести? Остаться или сбежать? То, что на моей стороне Зоя, — настоящая удача, но достаточно ли этого? Они все дикие и странные. Сейчас улыбаются, а через мгновение могут вцепиться в горло. Я к такому не готова и вряд ли когда-нибудь буду.

Даю себе несколько минут, чтобы успокоиться. Лучшее из того, что я могу, это просто не высовываться. Быть незаметной. Слиться с толпой. Кому вообще какое до меня дело? Я невидимка. Шумно выдыхаю, пытаюсь уговорить себя. Вот, так уже легче. Скорее всего, даже Мнацу плевать. У него все и так распрекрасно. Да, верно! Им же фиолетово! Они в своей стихии и на своей территории. Если от меня нет проблем, то и у меня их не будет. Чувствую себя куда уверенней и выключаю воду в кране, повторяя про себя слова Зои, которые никак не хотят приживаться в голове.

«Я одна из них. Одна из них».

Выхожу из туалетной комнаты с четким намерением вернуться к девчонкам и, возможно, даже пове-

селиться, забыв обо всем, но натыкаюсь на суровый взгляд светлых глаз. Замираю и открываю рот, будто получив удар по горлу. Кажется, я где-то просчиталась.

— Есть разговор, — произносит Мнац и запихивает меня в комнату по центру, грубо схватив за плечо.

Не успеваю и слова сказать, как оказываюсь за закрытой дверью. В панике кручу головой, выискивая выход или укрытие. Свет приглушен, из колонок под потолком тихо играет музыка. У стены вытянулся кожаный диван, рядом тумбочка, на которой стоит корзинка с квадратными блестящими пакетиками, а в углу душевой поддон с прозрачной занавеской. Мерзость какая. Разворачиваюсь, чтобы сбежать, но перед дверью стоит Мнац, угрожающе скрестив на груди руки с вздувшимися дорожками вен. С ужасом распахиваю глаза шире, он же — безэмоционально смотрит в ответ.

— Что ты здесь делаешь? — холодно спрашивает Мнац.

Его тон, поступок... Все это выводит из себя даже больше, чем пугает.

— Учусь! — отвечаю я, вздрагивая от громкости собственного голоса, и с сожалением опускаю взгляд.

Плохо, очень плохо. Разборки мне не нужны. Нужно попытаться договориться по-нормальному.

— Первый курс? — гремит следующий вопрос.

— Нет. Перевелась на второй.

— Почему?

Сглатываю горькую слюну, челюсть дрожит, зубы стучат друг о друга.

— Ты знаешь почему, — отвечаю почти шепотом.

Мнац шумно вздыхает, щелкает замок. В висках пульсирует боль, жаром обдаёт лицо и шею.

— Зовут тебя как, сестренка? — спрашивает Мнац, неожиданно меняя манеру разговора — мягче, с большей осторожностью и без угнетающей враждебности.

Мило, но я больше на это не куплюсь. Я видела, кто он и на что способен. Видела! Нужно скорее поставить точку в общении с этим парнем.

— Послушай, тебе не о чем переживать, — тараторю я сбивчиво. — Я не собиралась трепаться. Давай просто сделаем вид, что...

— Смотри на меня, когда говоришь! — приказным тоном перебивает он.

Мгновенно поднимаю голову, смыкая губы. Мнац разочарованно морщится:

— Так и думал.

Не знаю, что делать. Не понимаю, к чему это все, и окончательно теряюсь. Там, в зале, Мнац был совсем другим, а передо мной снова тот, кто без колебаний бросился на беззащитного парня, желая растерзать. Вспоминаю о Леше, о родственниках, о переводе в эту дурацкую стаю, обо всем, что причиняет боль, и непрошенные слезы застилают взгляд.

— Жалеешь себя, да? — ядовито усмехается Мнац, склоняя голову. — За что? Почему я?

Сердце стучит все сильнее, слов нет. Мнац делает шаг вперед, а я отступаю, упираясь задней поверхностью голени в мягкий край дивана.

— Тяжелый случай, но я могу помочь.

— Мне не нужна помощь, — выдавливаю я с непостижимым усилием, все еще пытаюсь держать оборону, но очевидно, что моя защита слишком слаба против такого, как он.

Мнац пробегает цепким взглядом по моему лицу и останавливается на глазах:

— Я так не думаю.

— Я хочу уйти. Пожалуйста.

Делаю несмелый шаг в сторону, но Мнац толкает меня, заставляя плюхнуться на задницу, наклоняется и упирается ладонями в спинку дивана с обеих сторон от моей головы. Машинально зажмуриваюсь и втягиваю голову.

— Какая же ты слабая. Жалко смотреть, — говорит он с откровенным пренебрежением. — Мне впервые приходится предлагать свои услуги так открыто, но у тебя все чересчур запущено. Будет больно, но оно того стоит. Обещаю.

— Не понимаю, о чем ты.

— Скоро поймешь.

Его лицо так близко, что трудно дышать. Страх лишает последних сил, оставляя лишь умоляющий шепот:

— Я не хочу...

— Боюсь, у тебя уже нет выбора.

POV: Мнац

Кажется, я еще не встречал настолько забитого и эмоционально потухшего человека, хоть и повидал немало. Где ее держали все это время? В земляном погребке? Полупрозрачные перепуганные глаза раздражают, резкие движения, не подразумевающие под собой никакой защиты, бесят. Что, черт возьми, с ней не так?! Инстинкты должны быть у всех, и самый сильный из них — инстинкт самосохранения, а у нее он словно перекручен в обратную сторону. Терпи, покорись и тогда, возможно, останешься цела, так она думает?

С отвращением отталкиваюсь от дивана и выпрямляюсь перед девчонкой, которая снова смотрит

вниз, как послушная собачка. Ощущаю прилив силы и ядерной мотивации. Это знак, не иначе.

— Чем быстрее ты ответишь на мои вопросы, тем быстрее выйдешь отсюда, — говорю я, решив воспользоваться ее состоянием.

— Ладно, — мямлит она.

Будет сложно. Возможно, сложнее всего, с чем я сталкивался до этого момента. Сломать ее не составит труда, а вот собрать заново... Обычная тактика идет на фиг, с этой малой она точно не сработает.

— Имя? — начинаю допрос.

— Алена.

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

— Родители?

Она едва заметно качает головой, опуская подбородок еще ниже. Прискорбно, но это не оправдание.

— Как давно? — сухо спрашиваю я.

— Зачем тебе это?! — повышает голос Алена, но не убедительно, больше похоже на истерику, чем на готовность к борьбе за свои границы.

— Собираю сведения для стенгазеты, — язвительно отвечаю я. — Уже забыла наш уговор?

Угроза действует безотказно. Ее попытка противостоять растворяется в море моей уверенности и превосходства.

— Десять лет, — признается Алена.

Довольно долго. И если не родители, то кто ее так запугал? Вспоминаю малого и то, как он с ней обращался. Перемены в ее внешности тоже не остаются без внимания. В ушах стоит хруст ломающихся костей, и я сжимаю челюсть, контролируя злость.

— Леха твой родной брат?

— Двоюродный.

— И воспитывают тебя его родители, — бросаю догадку и по вздрогнувшим плечам Алены понимаю, что прав. — Ясно. Парень был?

— Нет.

— Девственница?

Алена зажимается все сильнее, еще немного — и разревется. Она нервно заламывает пальцы, колени дрожат. Да, я знаю, что это больно, когда в душе ковыряются грязной палкой. Все знаю, но потом она скажет спасибо. И даже если нет, я не обижусь. Мне не нужна благодарность, мне нужен результат.

— Алена, я ведь могу проверить это. Прямо сейчас, — подхожу к ней и заставляю поднять голову, схватив за подбородок.

— Да, — всхлипывает она.

— Умница, — довольно улыбаюсь. — Тогда отложим это на потом. Следующий вопрос. Перевелась ты сюда, конечно же, не по своей воле?

— Не по своей.

— Тебе здесь не нравится? Тебе не нравимся мы все?

— Да! — произносит она громко.

Потенциал есть, а значит, и шанс на положительный исход тоже. С этим можно работать.

— Хорошо, — ласково произношу я. — Ненависть — мощное топливо, хоть и недолговечное. Хватит для первого рывка.

— О чем ты говоришь?

Ловлю теплую слезу на ее щеке большим пальцем и стираю, наблюдая за своей рукой.

— Это тебе знать пока не обязательно, — вновь смотрю ей в глаза, пытливо прищурившись. — И последнее, Алена... что ты сделала, чтобы защитить себя?

Алена дергает подбородком, сбрасывая мою руку с лица, и уже сама поднимает на меня взгляд. Вижу ее ярость вперемешку со страхом и замираю в ожидании. Давай же! Сделай хоть что-нибудь! Алена встает с дивана и запрокидывает голову, поджимая бледные губы. Не двигаюсь ни на миллиметр, вообще не страшно. Ей придется проделать колоссальную работу, прежде чем она в самом деле сможет противостоять мне, а пока что это все выглядит просто жалко.

— Пошел ты! — выплевывает Алена мне в лицо.

Наклоняюсь ближе и ощущаю теплоту ее сбивчивого дыхания. Между нашими губами искрит напряжение, заряжая воздух. Многие бы спутали это со страстью или влечением, но только не я. Это всего лишь химия противоположных характеров и разных взглядов. Борьба стихий. Огонь против пустоты. Несложно догадаться, что обладает большей разрушительной силой, верно? Пустота губительна, но абсолютно инертна, а огонь... это неиссякаемый внутренний ресурс и оружие, с легкостью отсекающие головы. Смогу ли я разжечь пламя посреди пустоши? Попытаюсь.

— Я никуда не собираюсь, Алена, а вот ты... — оставляю отпечаток взгляда на ее губах, чтобы весь сегодняшний вечер, а может, и дольше, она думала только о том, что произошло в этой комнате. — Можешь идти.

Повторять дважды не приходится. Алена, словно ошалевшая, срывается с места и бросается к двери.

— Не советую тебе обсуждать наш разговор с кем-то. Можешь нажать еще больше проблем.

— Куда уж больше, — шипит она, пытаюсь открыть защелку.

— Увидимся, Алена, — бросаю ей вслед и падаю на диван, глядя на захлопывающуюся дверь.

Ее история не нова — синдром Золушки во всей красе. Дядя и тетя в роли злой мачехи, Леша вместо мерзких сестер, а сама Алена, как прилежная принцесса, терпеливо ждет прекрасного принца, который должен влюбиться в ее чистую душу и безграничное самопожертвование и решить все проблемы, вызволив из башни бессилия. Банально до коликов в кишках.

Достаю из кармана пачку сигарет и кручу ее в пальцах. Нужно продумать следующий шаг и концепцию предстоящей работы. Я никогда не давал девушкам то, что они хотят, никогда не приписывал себе образ героя-спасителя. Если быть точным, то я всего лишь проводник. Большинство людей даже не подозревают, как сильно зависят от своих слабостей. И мне это на руку.

Теория жара и холода представляет собой эмоциональный наркотик, который губителен для всех и каждого, если ты хороший дилер. Привязать к себе человека несложно, нужно всего лишь заставить его привыкнуть к определенным эмоциям. Странновато звучит? Может быть, но на деле все очень просто.

Когда словами или действиями ты вызываешь у объекта эмоцию, позитивную или негативную, не важно, гормоны в его организме взрываются. Например, за функцию «нападай или беги» отвечает норадреналин и адреналин. В такие моменты мозг начинает работать активнее, кровоток ускоряется, повышается давление и тонус тела. То есть объект чувствует себя непривычно отважным и сильным, готовым на все, чтобы разрешить ситуацию, которая вызвала этот скачок. Круто, не правда ли? Он практически ста-

новится сверхчеловеком, совсем иной версией себя и подсознательно фиксирует этот момент, как что-то хорошее, важное и нужное. Следующий подход — еще один ряд гормонов. Дофамин, эндорфин и серотонин. Эти ребята отвечают за удовольствие и эйфорию и погружают человека в состояние пустоголового транса, расслабления и счастья. Вызвать их проще простого: ласковые прикосновения, нежные слова и поступки, которые точно тронут жертву. В этом случае эффект схож с предыдущим. Объект в эйфории будет стараться сохранить это состояние как можно дольше или вернуть его в случае потери контакта.

Если научиться правильно использовать эти знания, то можно взять под контроль кого угодно. Дашь дозу дофамина страстным поцелуем или парочкой проверенных фраз из разряда «ты самая удивительная, а глаза у тебя, как море», а после бахаешь адреналином, резко исчезая с горизонта и ничего не объясняя. Объект не сразу поймет, что происходит. Вот он был на вершине мира, а потом вдруг ударился о землю и вынужден спасаться. Он уже на ядовитой игле, ведь ему жуть как хочется вернуться к предыдущему состоянию. Повторите последовательно эти действия несколько раз, и получите эмоционального наркомана, который будет находиться в постоянном поиске новой дозы. Гормоны делают его невероятно активным и чувствительным. Объект перестает жить в режиме спокойствия, его гормональный голод усиливается, и он будет изо всех сил стараться его утолить. А для этого ему нужны вы!

Элементарно, но в случае с Аленой есть небольшая проблема — другой исходный материал. Ее адреналин и норадреналин совершенно не пашут. Она их не чувствует или подавляет, иначе почему все время

терпит вместо того, чтобы бежать или сражаться? Думаю, кто-то очень постарался, чтобы задавить ее до такой степени. С этим тоже придется разобраться, но всему свое время.

— Мнац! — слышу высокий встревоженный голос из-за двери.

Неторопливо поднимаю голову и опускаю рядом с бедром пачку сигарет, заставляя Крис еще немного понервничать.

— Да?! — отвечаю я, нарочно не озвучивая приглашения.

Кристина влетает в комнату и, увидев меня одного, торопливо сбавляет обороты. На ее лице заметна тень злобного беспокойства, которую она тщательно пытается скрыть за очаровательной улыбкой, чтобы не выпасть из нового образа, но наше прошлое сильнее. Сколько раз она заставляла меня здесь с другими девушками? Четыре? Может быть пять? А сколько раз это становилось поводом для нашего расставания? Ни одного. А все потому...

— Девочка моя, ты меня потеряла? — нежно произношу я и лениво растягиваю губы, хлопая себя по колену.

Цепь на шее Крис звенит от ментального рывка. Шаг, еще один. И вот Крис уже сидит на мне, трепетно прижимаясь к груди. Адреналин и дофамин в деле. Получив положительную эмоцию после отрицательной, Крис тут же забывает обо всем.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она, потираясь носом о мою щеку.

— Зашел отдохнуть.

— Один?

— Уже не один.

— Ты кажешься расстроенным? Что-то случилось? — сексуально понижает голос Крис, покачивая бедрами.

Теперь она чувствует себя виноватой за то, что усомнилась во мне, и пытается загладить вину. А возможно, просто хочет укрепить мое к ней расположение, чтобы оттянуть поставку следующей дозы адреналина. После такого количества скачков, что были у нас, Крис точно знает, что будет дальше уже на уровне подсознания.

Позволяю игре продолжиться и ловлю губы Крис своими. Влажные откровенные поцелуи посылают по телу волны возбуждения, что натягивают ткань моих штанов. Крис хороша. Бесспорно. Подтянутое тело, сексуальность бьет через край прямиком по яйцам. Задираю толстовку Крис и провожу языком по обнаженной груди, кожа уже покрылась крупными мурашками.

— Ах! — вздыхает Крис. — Дань... да...

Пора. Одним движением одергиваю вниз край толстовки и отстраняюсь, убирая руки с разгоряченного тела:

— Крис, выйди отсюда.

— Что? — В ее голосе все еще плещется возбуждение и предвкушение, но это ненадолго.

— Возвращайся в зал, — приказываю я, рассматривая складки между ее нахмуренных бровей.

— Но... я...

Губы Крис подрагивают, зрачки расширяются. Уверен, даже пульс участился. Отворачиваюсь, нащупывая пачку сигарет, и открываю ее, поддев верхнюю часть упаковки большим пальцем. Крис нерешительно встает и отходит к двери. Ее медлительность кричит о том, что она все еще ожидает, что я оста-

новлю ее или что-то объясню, а послушное молчание — явный признак капитуляции.

Достаю сигарету и прикуриваю, выказывая полнейшее безразличие к происходящему. Хлопает дверь, гневный топот слышен даже сквозь музыку. Хороший удар. Зуб даю, она представляла мою голову на пороге. Самое забавное, Крис сейчас испытывает очень негативные чувства. Вероятно, даже ненавидит меня, а может, и себя тоже. Уже через минуту все ее мысли будут заняты поиском причины моего поведения, и так как я не дал никаких подсказок, она выдумает ее сама или начнет ковыряться в себе. В конце концов она признает себя виновной, а меня оправдает. И когда я вернусь и обниму ее как ни в чем не бывало, Крис снова поймает эйфорию от моего внимания, ведь это будет значить, что у меня есть к ней чувства, что она мне не безразлична.

Многие думают, что это и есть та самая зашибенная штука под названием любовь. Что именно так она работает. Эти гребаные сердечки в глазах, постоянное самопожертвование и безукоризненное прощение через боль и страдания. Нас научили, что все хорошее в этом мире нужно заслужить. Хочешь быть счастливым, будь готов отгрызть себе руку и приготовь корыто для пота, крови и слез. Согласны с этим? Тогда лучше сразу разбейте голову об стену, потому что счастья вам не видать.

Глава 4

POV: Алена

Я совсем иначе представляла себе учебный процесс в Волковском колледже, но на деле все оказывается по-хорошему банально. Пары, преподаватели, лекции под диктовку и домашние задания. Есть прилежные ученики, есть прогульщики, толпа в столовой, очередь в женский туалет. Ничего необычного. Первые несколько дней я, конечно, хожу, как по битому стеклу, и все жду нового удара от короля, но даже если мы и сталкиваемся где-то на территории учебных корпусов, то Мнац проходит мимо, словно я пустое место. Другие ребята точно так же не проявляют к моей персоне никакого повышенного интереса, и это определенно плюс. Может быть, король «Волков» был не в себе и уже сам забыл о том, какую чушь нес в комнате разврата? Хорошо бы именно так все и было.

К концу второй недели я уже могу позволить себе выдохнуть и сосредоточиться лишь на том, что действительно важно, — оставаться в тени, минуя местные интриги, и хорошо учиться, чтобы не прогневать родственников. Большая перемена — прекрасная возможность передохнуть и подкрепиться, но вместо столовой я направляюсь во второй корпус, где у меня будет занятие по английскому языку, и захожу в буфет

на первом этаже. В это время он всегда пустует, а значит, отлично подходит для убежища.

Поднимаюсь на носки, чтобы заглянуть за прилавок. Фигуристая девушка, сидящая на табуретке, откладывает в сторону журнал и поднимает на меня взгляд:

— Здравствуй, Алена. Тебе как обычно?

— Здравствуйте, Оксана. Да. Пожалуйста.

В колледже есть и свои плюсы. Например, на удивление добрый персонал и бесплатное меню для тех студентов, у которых нет личных средств или у кого опекуны такие же сволочи, как и мои. Не ресторанный уровень, конечно, но с голоду не помрешь. Забираю исцарапанный пластиковый поднос, на котором стоит стаканчик с чаем и контейнер с салатом из вареных овощей и зеленого горошка, и замираю перед витриной. За натертым до блеска стеклом лежат пышные круассаны, щедро политые глазурью из темного шоколада. Во рту скапливается слюна, а желудок страдальчески сжимается. Жаль, что эта красота стоит денег.

— Привезли полчаса назад, — говорит Оксана с нескрываемым сожалением.

— Выглядят здорово. Попробую их в следующий раз.

Задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать умопомрачительный запах свежей выпечки, и отхожу к столику в дальнем углу.

— Алена! Подожди!

Оборачиваюсь, смущенно прикусывая нижнюю губу. Только не это. Я всегда ненавидела моменты, когда кто-то чужой так открыто проявляет жалость. Чувствую себя бесполезным ничтожеством. Оксана

забегает за занавеску и возвращается с небольшой бу-
мажной тарелкой с двумя круассанами.

— Они позавчерашние, — говорит она, бережно
опуская тарелку на прилавок. — Твердые, как камень,
но если макать в чай...

— Нет! Что вы? — бормочу я, растерявшись. —
Спасибо, но я не...

— Бери-бери, — тепло улыбается Оксана. —
Я с этими просрочками скоро перестану влезать даже
в спортивные штаны моего жениха, а у нас свадьба
через два месяца.

— Если платью пышное, то не страшно, — весело
отвечаю я, и мы вместе смеемся.

С искренней благодарностью принимаю угощение
и сажусь за стол, настраиваясь на приятную беседу,
но неожиданный звонок мобильного заставляет от-
влечься. Смотрю на имя, высветившееся на дисплее
старенького телефона, когда-то принадлежавшего Ле-
ше, и бросаю извинительный взгляд на Оксану. Она
добродушно отмахивается и скрывается из виду, по
всей видимости, возвращаясь к чтению журнала.

— Привет, Маш, — отвечаю я на звонок.

— Приве-е-ет, — радостно тянет подруга.

Тихо вздыхаю, качая головой. Меня не удивляет
ее настроение, последние дней десять оно ни разу не
было ниже отметки — жизнь в кайф. Есть ощущение,
что мозг Маши превратился в зефирку. Голос, мане-
ры... все изменилось. И причина только одна — Маш-
ка влюблена. Отламываю кусочек круассана и опу-
скаю его в стакан с чаем:

— Ну выкладывай.

— Ален, он потрясающий. Знаешь, что он мне на-
писал? Знаешь?!

— Думала, ты звонишь, чтобы рассказать об этом, а не играть со мной в угадайку, — по-доброму подшучиваю я.

— Ты бы все равно ни за что не догадалась! — хихикает Маша. — Он написал, что искал меня всю жизнь, что ни одна девушка не откликнулась его сердцу так, как я. Представляешь?! Можешь себе это представить?! Это же катит за признание в любви! Верно?!

Обжигаю пальцы, роняя размякший кусочек на дно стаканчика, и с трудом подбираю слова:

— Маш, все это очень классно, но тебе не кажется, что... ты немного перегибаешь?

— Где? — удивленно спрашивает она.

— Вы ведь даже не виделись. Познакомились в Интернете...

— Так-так, — предупреждающе произносит Маша. — Твоих пессимистичных наставлений я точно слышать не хочу. Любовь приходит откуда угодно, и я уверена, это она. Кто еще присылал мне стихи? Кто писал каждый день первым?! Вот именно! Никто! А он... Он другой, понимаешь?

Я уже заранее проиграла эту битву. Маша влюбчивая девушка, иногда даже чересчур. За последний год фразу «он другой» я слышала от нее раза три точно, но позже выяснялось, что парни были совершенно обыкновенными. Одно хорошо, страдает Машка ровно столько, сколько дней ей потребовалось, чтобы влюбиться. А значит, и в этот раз, если ее интернет-идеал окажется говном с глазками, а не пирожным, печаль будет длиться всего пару недель. Не так уж и страшно.

— Отдышись, дорогая. Спорить не стану. Другой так другой, — привычно сдаюсь я.

— Д-а-а... — мечтательно вздыхает она. — Жаль только, что он сейчас не в городе. Но мы уже детально продумали нашу первую встречу. И первую ночь тоже.

На этот раз давлюсь чаем. Кажется, лучше отложить обед до окончания разговора, иначе я не попаду на пару из-за вставшей поперек горла черствой булки.

— Маш, надеюсь, ты не... Пожалуйста, скажи, что это была всего лишь переписка.

— И не только, — заявляет Маша как ни в чем не бывало. — Ох, Ален! Он такой нежный. Засыпал меня комплиментами, я за всю жизнь столько не слышала. Ты не поверишь, но мне кажется, это будет самый крутой секс в моей жизни.

— А мне обязательно об этом знать?

— Конечно! С кем еще мне поделиться? Не с Лолкой же! Она все маме расскажет, и тогда я тоже стану сиротой.

Повисает неловкая пауза. Маша слишком поздно понимает, что именно лягнула.

— Извини, — говорит она приглушенно.

— Проехали, — как можно беспечней отвечаю я. — Слушай, мне уже пора бежать. Перерыв скоро закончится.

— Конечно. Созвонимся вечером?

— Да. Хорошо.

— Целую, целую, — пропевает Маша и отключается.

Кладу телефон на стол и, не моргая, смотрю на поднимающийся над стаканчиком пар. Влюбленность, любовь... Я не знаю, что это такое. В школе вся эта романтическая эпопея обошла меня стороной. Мальчишки не обращали особого внимания, да я этого и не хотела, как, собственно, и в колледже. Я невидимка,

и меня это устраивает. По-честному, подобные чувства пугают. Все незнакомое кажется страшным. Меня ведь никто не любил. Разве что в раннем детстве, когда родители были еще живы, но я этого не помню. Зато с ненавистью мы лучшие друзья, и приятно-го в этом союзе мало. Именно поэтому мой выбор — безразличие. Оно хотя бы безопасно.

Закончив обед и пожелав Оксане хорошего дня, поднимаюсь на четвертый этаж второго учебного корпуса. Коридоры пусты, до начала занятий есть еще несколько минут. Нынешние студенты не отличаются пунктуальностью, к слову, преподаватели тоже. Медленно шагаю мимо закрытых дверей, погружившись так глубоко в мысли, что не сразу улавливаю тяжелые шаги за спиной и не успеваю ничего сделать, когда меня рывком втягивают в один из крошечных кабинетов.

Боль от удара о край стола пронзает бедро, но я не издаю ни звука. Робко разворачиваюсь, голубые глаза напротив устрашающе сверкают. Хлопок двери, которую грубо пинают ногой, звенит в ушах и тонет в гнетущей тишине. Мнац, злорадно ухмыльнувшись, крепко стискивает мою талию и усаживает поверх столешницы преподавательского стола. Боюсь моргнуть, горло сжимает спазм. Мнац опускает ладони на мои колени, сжимает их и разводит в стороны, нагло влезая между ними.

— Так и будешь бездействовать? — вкрадчиво и мягко спрашивает он, приближаясь к моему лицу.

Отклоняюсь и завожу руки за спину, упираясь ладонями в прохладную шершавую поверхность столешницы. Не понимаю, чего он ждет. В голове одни вопросы, и их слишком много. Из осязаемых эмо-

ций только желание исчезнуть и страх, тяжелый, как и мое дыхание.

— А может, тебе все это нравится, Алена? Ты мазохистка? Признайся, и тогда у меня не останется больше вопросов. Может быть, я даже дам тебе то, чего ты хочешь.

Слова Мнаца похожи на горячую пыль грязной мостовой в самом разгаре лета. Они впиваются в кожу крошечными снарядами и остаются там, отзываясь пульсирующей гниющей болью. Взмахиваю руками, собираясь отпихнуть Мнаца, но ладони тут же встречают преграду и попадают в плен. Мнац сжимает мои запястья, поднимает наши руки и заваливает меня на спину, нависая сверху.

— Отпусти, — в панике шепчу я.

— Шепот? Серьезно? И это все, что ты можешь?

— Пожалуйста...

— Ты еще заплачь, — ухмыляется он и прижимается грудью к моей груди, придавливая к столу. — Очень плохо, Алена. Просто ужасно. Я уже начинаю думать, что ты и вовсе безнадежна.

— Что тебе от меня нужно?

— Не мне нужно, Алена. Тебе.

Тело не слушается. Я его почти не чувствую, будто бы организм отключает осязание, чтобы предотвратить истерику. Для меня это обычная защитная реакция, помогающая стерпеть все что угодно, но кое-что я все-таки ощущаю. Запах. Терпкий и резкий, оседающий в носу пощипывающей пряностью.

Мнац наклоняет голову и тянется губами к моему уху:

— Я же чувствую, как ты напряжена, как быстро бьется твое сердце. Твое тело говорит — борись. Почему ты его не слушаешь?

Едва ли могу понять смысл его слов из-за интонации, с которой он их произносит. Все, что делает Мнац, пугает, но то, *как* он со мной говорит... Ласково, словно упрощает непослушного ребенка. Словно действительно хочет помочь и сделать только лучше.

Чушь! Все это неправда! Всего лишь уловка, чтобы заставить меня расслабиться и принять условия его извращенной игры. Не сработает. Я вижу его насквозь. Злобный, неуравновешенный показушник, который решил, что в его руках весь мир.

— Слезь с меня! — грубо произношу я.

— Попробуй меня заставить, — отвечает Мнац, задевая губами кожу на моей щеке.

— Я буду кричать, — предупреждаю я, а голос предательски становится тише.

— Да ну? Правда?

Его лицо появляется напротив моего. Глаза в глаза. В очередной раз отступаю первой и отвожу взгляд, не сумев продержаться и пары секунд. Мнац отстраняется так же резко, как и произошло наше сближение. Отрываю спину от стола, но не решаюсь спуститься на пол и сделать хотя бы шаг к выходу, потому что мой кошмар стоит перед дверью, демонстративно сложив руки на груди. Дубль два. Я снова в ловушке. И снова проиграла.

Но я не соглашалась играть! Черт возьми, не соглашалась!

Внутри все вопит и беснуется, а снаружи только тихая паника и бездействие.

— Тренировки начнем сегодня вечером, — серьезно заявляет Мнац.

— Что за тренировки?

— Увидишь.

Его безапелляционность убивает, а шум в голове нарастает с каждой секундой. Наклоняюсь вперед и повышаю тон, напрягая онемевшие голосовые связки:

— Нет! Я сказала тебе «нет»! Что бы ты себе ни придумал, я отказываюсь!

— Не помню, чтобы спрашивал о твоём согласии, — с легкой издевкой отвечает он.

— Ты не можешь меня заставить!

— Только что я мог сделать с тобой все что угодно. Ты бы даже не пискнула, разве что простонала с моего разрешения. Это ведь нормально для тебя, быть тряпкой для окружающих. Все еще думаешь, что я не могу тебя заставить?

В моей жизни было много унижительных моментов, но этот... Хуже еще ничего не происходило.

— Я... я просто...

— Ты просто не хочешь проблем. Хочешь спрятаться, чтобы больше никто не нашел. Я догадался, — кивает Мнац. — Только проблемы будут, Алена. У тебя их уже целый батальон, и он методично тебя трахает. Приятно? Тебе нравится? Ловишь оргазмы от этого каждый день, да?

— Пошел ты! — срываюсь на истерический крик. — Да кто ты такой, чтобы говорить мне подобное?! Ты меня не знаешь! Ничего обо мне не знаешь!

— Надо же, все-таки кричать ты умеешь, — вкрадчиво говорит Мнац, которого мои потуги, похоже, только забавляют. — Я тебе тут не мир, дружбу и жвачку предлагаю, а кое-что куда более важное. Заканчивай цирк и слушай меня.

— Зачем ты это делаешь? — произношу я хрипло и зажмуриваюсь, чтобы хоть немного отгородиться. — Зачем?

— Потому что могу. Тебе пока неизвестно это чувство, но все поправимо. Для начала хватит закрывать глаза. Я не ночной кошмар, и мы не в сказке, это тебе не поможет.

Опускаю голову и смотрю на свои руки. Большой палец правой руки, который я сжимаю, уже стал фиолетово-синим.

— Смотри на меня! — сурово приказывает Мнац. — Мы ведь общаемся, это невежливо, — добродушно дополняет он.

Да что с ним не так? Что мне сделать, чтобы он отстал? Пара глубоких вдохов и выдохов ненадолго помогают успокоиться, и я медленно поднимаю подбородок, скользя взглядом по фигуре Мнаца, облаченной в темный спортивный костюм. Уверенная крепкая стойка, кисти рук расслаблены, как и плечи, а во взгляде превосходство. Мнац излучает пугающее бесстрашие, а его самодовольство лижет обжигающими языками пламени мою шею и щеки.

— Я отказываюсь, — цежу сквозь зубы. — Мне ничего от тебя не нужно, ясно? Оставь меня в покое.

Широкая и счастливая улыбка Мнаца становится последней каплей. Застываю, не в силах даже моргнуть. Чему он радуется? Что еще выкинет?

— Хороший ответ, Алена. Только неправильный. Увидимся вечером, — говорит он и выходит из кабинета.

Дверь закрывается, и я превращаюсь в желе. Роняю голову и прижимаю ладони к лицу, пытаюсь сдержать слезы. Уютная темнота окружает со всех сторон. Прислушиваюсь к дыханию и отчаянно взываю к благодатности. Мнац блефует. Пытается запугать. Не понимаю, зачем ему все это? Неужели настолько скучно? Чертов псих! Почему именно я? Что я такого сделала?

Зоя входит в нашу комнату и останавливается по середине, глядя на меня и уперев руки в бока:

— Ты чего такая бледная? Уже залететь успела?

Глубоко вдыхаю, собираясь рассказать соседке о случившемся, но не могу решиться. Что-то мне подсказывает, нет никакого смысла жаловаться ей на Мнаца. Для Зои он король, я не раз слышала ее хвалебные оды этому недочеловеку. Если придется выбирать, она точно выберет не меня.

— Плохо себя чувствую, — отвечаю я и укутываю ноги одеялом, потому что Зоя уже тянет руку к окну, чтобы его открыть.

— Да? Жаль. Я хотела пригласить тебя прогуляться. Мы с девчонками идем на заброшку.

В свете последних событий я бы предпочла всю жизнь провести в этой комнате, чем еще хоть раз выйти наружу.

— Не сегодня, — скованно произношу я.

— Лады, — подводит итог Зоя, ни капли не расстроившись.

Она подходит к шкафу и принимается перебирать вещи, выгаскивая их и смятыми комками запихивая назад, а у меня все больше чешется язык. Хочется задать один опасный вопрос, который не дает покоя. Информация никогда не бывает лишней. Возможно, удастся аккуратно разведать обстановку, не притянув еще больше проблем.

— Зю, я помню правила, о которых ты говорила, но есть один момент...

— Настроение у меня хорошее, так что по роже бить не буду. Валяй! — весело отзывается она из глубины шкафа.

— Вы с девочками говорили как-то о Мнаце и его бывших. Типа, он что-то с ними делает, промывает им мозги. Ты не знаешь, что?..

Зоя бросает джинсы на пол и резко разворачивается. Ее глаза широко распахнуты, губы сжаты в тонкую бледную полоску, даже огненные волосы торчат вверх агрессивнее, чем обычно.

— Беру свои слова назад, — сухо говорит она. — Эту тему больше не поднимай, ясно?

— Да, — тихо отвечаю я. — Больше не буду.

Зоя отворачивается обратно к шкафу, поднимает руку и замирает, так и не дотронувшись до одежды. Шумный напряженный вздох прокатывается по комнате, а за ним глухой стук быстрых капель, доносящийся из открытого окна. Вдыхаю запах влажной пыли и жухлой зелени и понуро опускаю голову.

— Он хороший человек, — приглушенно произносит Зоя, и ее голос тонет в злобном грохоте далекого грома. — Это все, что ты должна знать.

Абсурд. Хороший человек не стал бы делать то, что делает Мнац. Как ему удалось так грамотно запудрить всем мозги? Неужели они не видят, кто он на самом деле? К горлу подкатывает поток грязных слов, но я знаю, что мне лучше помалкивать. Разговор окончен, Зоя больше ничего не расскажет. Остается только сидеть под одеялом и молиться, чтобы все угрозы «хорошего человека» остались только угрозами.

Бросаю взгляд на экран мобильного телефона — половина пятого. Вечер вот-вот наступит.

POV: Мнац

Отталкиваю ногами от пола, покачиваясь на крутящемся компьютерном кресле, и внимательно читаю сообщения. За окнами барабанит дождь, прохлада протискивается в комнату общежития через трещины в старых деревянных рамах.

— Поедем на заброшку? — напоминает о себе Крис, лежащая в моей постели.

— Ты поедешь, — отвечаю я и стучу пальцами по экрану, набирая текст.

— А ты?

— Давай подумаем вместе, — бросаю я недовольно, отрываясь от телефона. — Если я сказал, что ты поедешь одна, это значит, что я не поеду. Логично?

Крис обиженно дует губы, чем злит меня еще больше. Она торчит здесь уже третий час и старательно делает вид, что не понимает намеков.

— Ты в последнее время какой-то странный.

— Хочешь об этом поговорить?

— Да! — вскрикивает она, хлопая ладонями по матрасу.

— Я дам тебе номер хорошего психолога. Он выслушает.

Лицо Крис покрывается красными пятнами — верный признак бешенства. Ей хочется вскочить и устроить скандал, но она сама загнала себя в угол, решив в очередной раз доказать мне, что изменилась. И сейчас у меня нет времени на эти глупости, нужно успокоить ее и выпроводить.

— Крис, мы не сиамские близнецы. Хочешь быть со мной, не пытайся контролировать. Я этим говном не занимаюсь и тебе не позволю.

— Я и не пытаюсь тебя контролировать, я всего лишь интересуюсь твоей жизнью! Это так плохо?!

— Интересоваться жизнью — не значит лезть в мои дела.

— И что же за дела такие? — кривится она.

Бесполезно. Провожу ладонью по лицу и шее, желая стереть раздражение, и киваю на дверь:

— Тебе пора.

— Выгоняешь меня?! Опять?!

— Мне бы не пришлось этого делать, если бы ты сама знала, когда закрыть рот.

— Какой же ты... — Крис поджигает губы и качает головой.

Она вскакивает с постели и поднимает с пола юбку, натягивает ее на бедра и застегивает верхние пуговицы нервными движениями пальцев.

— А ведь я думала, что в этот раз все будет по-другому, — гневно рычит она.

— И я тоже, — отвечаю безэмоционально.

Реакция незамедлительна и разрушительна. Крис покачивается, как от удара, а на лице — серая скорбь. Ей все еще невыносимо от меня отрываться. Черт возьми, ну когда она уже дорастет до этого?!

Крис приближается мягкой поступью, кладет руки мне на плечи, заглядывая в глаза, и произносит с клочущим трепетом:

— Но это не меняет того факта, что я тебя люблю.

И не меняет того — что я ее нет.

— Позвони мне, когда закончишь с делами, — выдавливает Крис сквозь внутренний протест и шагает к выходу.

Разочарованно смотрю ей вслед. Она прошла уже все стадии, некоторые даже по несколько раз. Это больше не та слабачка, с которой я познакомился, но самое важное озарение еще не пришло. И я пока не могу понять, что нужно сделать, чтобы по-настоящему подтолкнуть ее к краю.

Дверь закрывается с тихим щелчком, телефон снова оживает. Пробегаю взглядом по экрану и встряхиваю головой, переключаясь на другой объект. Пора. Все уже готово.

Женское общежитие охраняет опасный моральный тяжеловес. Десятки парней летали по этим коридорам, подгоняемые шваброй, сжатой в сильных руках Агаты Павловны. Эта женщина может приструнить кого угодно, если захочет, немногие проходили с достоинством через ее границу. Провожу ладонью по макушке, стряхивая дождевые капли с волос, подхожу к окошку коменданта и наклоняюсь, чтобы заглянуть в небольшую каморку.

— Добрый вечер, — говорю я, приветливо улыбаясь.

Агата Павловна поднимает голову, желтый свет лампы озаряет ее морщинистое лицо. Тонкие брови нахмурены, губы сомкнуты. Самые лютые сцены в ужастиках менее страшные, чем взгляд этой женщины, но, разглядев меня, она тут же преображается. Взгляд теплеет, брови возвращаются на место из хищного прищура.

— Здравствуй, Данечка. Давненько уже тебя не видаю.

— Все не было времени заскочить, — с сожалением отвечаю я. — Как поживаете, Агата Павловна? Как здоровье?

— По-разному, — тяжело вздыхает она. — Иногда поясница ноет так, что выть хочется, а в целом все хорошо. Как твои дела? Как отец?

— Еще не вернулся, но я передам от вас привет, если хотите. Он будет рад. А еще узнаю, когда можно возобновить ваши процедуры.

— Ох, Данечка, — Агата Павловна польщенно прижимает руку к груди. — Спасибо тебе.

— Всегда пожалуйста. Нельзя, чтобы такой важный человек, как вы, жаловался на здоровье. Без вас здесь все рухнет.

Она по девичьи хихикает и кокетливо взмахивает рукой:

— Ну скажешь тоже!

— Это чистая правда, Агата Павловна. Кстати, я не просто так зашел. Мне нужно подругу проведать. Пропустите?

— Данька-Данька, ты из меня веревки вьешь, — причитает она, качая головой. — Но куда я денусь? Кому-кому, а тебе можно доверять. Проходи, конечно, только недолго.

— Ага, — радостно киваю я. — Спасибо.

Легким шагом направляюсь в глубь коридора и поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Комнату нахожу быстро, но не спешу заходить, останавливаясь перед дверью. Даже интересно, как все пройдет? Сценария два, и к обоим я готов, а вот Алена вряд ли. Что ж делать, выбора у нее все равно нет. Будет или по-моему, или по-моему.

Поворачиваю ручку двери, которая поддается без особого труда, и вхожу в комнату, погруженную в полумрак. Точным движением нахожу выключатель на стене и бью по нему, зажигая потолочную лампу.

— Я, конечно, люблю, когда девушки встречают меня в постели, но сегодня рассчитывал не на это, — весело произношу я, опираясь спиной о стену.

Алена сидит в постели и, кажется, не может поверить своим глазам. Она часто-часто моргает и едва заметно мотает головой. Пытается меня развидеть? Нет, девочка, не выйдет. Я действительно здесь, и ты знала, что это случится. Не двигаюсь, позволяя Алене примириться с реальностью. Пока нет необходимости пугать ее, эта стадия уже пройдена. Я увидел все, что нужно, даже немного больше. Дело за малым — объяснить, что я не враг.

